

на Амурѣ и на этотъ кличъ отозвалось очень много—до 150 семействъ хлѣбопашцевъ. Рѣка Амуръ искони славилась въ народѣ необыкновенными богатствами и потому, едва только явилась возможность поселиться на ней, какъ охотниковъ для переселенія нашлось много и въ Иркутской губерніи и въ Забайкальскомъ краѣ. На первый разъ рѣшено было переселить только 51 семейство въ количествѣ 480 душъ съ соотвѣтственнымъ количествомъ всякаго скота и домашней птицы и со всякими хозяйственными принадлежностями. Первая ошибка Муравьева состояла въ томъ, что переселенцевъ велѣно сплавлять по Амуру вмѣстѣ съ войскомъ, которое въ виду военной необходимости, должно было какъ можно скорѣе поспѣшить на низовье Амура. Первый сплавъ двинулся 14 мая 1855 г. Переселенцы размѣщены были на 12 баржахъ, скотъ отправлялся на отдѣльныхъ баржахъ и кромѣ того на двухъ баржахъ было нагружено по 7 т. пудовъ сѣна. Начало было очень дурное. Во время плаванія баржи безпрестанно становились на мель, другія уносились теченіемъ впередъ; пушки проламывали днища въ баржахъ и подымать ихъ, говоритъ авторъ, было дѣломъ мучительнымъ до крайности. Сѣно, развозимое на лодкахъ, не могло быть доставлено на тѣ баржи, которыя стояли на мели, вслѣдствіе чего скотъ былъ лишенъ пищи, падалъ и когда рейсъ собрался у Албазина, то не досчитывалось 280 головъ рогатаго скота. Начальнику рейса—полковнику Назимову, постоянно докладывалось о необходимости причаливать къ берегу каждый вечеръ для корма скота или о предоставленіи переселенческому отряду идти особо отъ войска; но Назимовъ, связанный приказаніями Муравьева, вести войска на Амуръ, какъ можно быстрѣе, не согласился ни на то, ни на другое. И только за Албазиномъ въ виду возможности потерять и остальной скотъ, Назимовъ согласился дѣлать вояжные привалы къ берегу. Между тѣмъ еще одно бѣдствіе, несравненно болѣе тяжкое, постигло переселенцевъ—тифъ, который на 5 и 6-й день плаванія быстро началъ распространяться по всѣмъ баржамъ. Но по официальнымъ свѣдѣніямъ, когда

экспедиція 13 іюня прибыла въ Маріинскій постъ, то число переселенцевъ, не смотря на тифъ, свирѣпствовавшій почти въ теченіе цѣлаго мѣсяца, не только не уменьшилось, но даже увеличилось: умерло два, а родилось четыре (стр. 418—420). Добравшись до низовьевъ Амура, переселенцы должны были разселяться. Но гдѣ, на какихъ мѣстахъ на протяженіи трехъ сотъ верстъ? вмѣсто того, чтобы напередъ отправить на Амуръ чело-вѣкъ пять крестьянъ, опытныхъ въ дѣлѣ сельскаго хозяйства, для выбора мѣстъ, удобныхъ для хлѣбопашества, Муравьевъ приказалъ моряку Невельскому, бывшему въ то время на низовьяхъ Амура, заняться этимъ выборомъ. И что же? Крестьяне забраковали всѣ выбранныя имъ мѣста, за исключеніемъ одного, какъ негодныя для поселенія, и принуждены были сами шататься на протяженіи трехъ сотъ верстъ по низовью Амура, чтобы найти удобныя мѣста. Но времени было уже мало, нужно спѣшить выборомъ, чтобы до осени построить избенки, приготовить землю подъ огороды и подъ озимый посѣвъ; къ тому же тифозная эпидемія не прекращалась, переходила въ цингу и обезсиливала крестьянскія семьи. Поэтому пришлось поселиться какъ попало, по первому впечатлѣнію отъ мѣста. «Эпидемія, говоритъ г. Барсуковъ, по минованіи зимы, прекратилась. Въ этомъ обстоятельстве можно видѣть справедливость общепринятаго мнѣнія даже въ Англіи . . . , что *первое поколѣніе переселенцевъ никогда не обходится безъ повальной болѣзни*, и лишь второе пользуется вполне плодами поселенія» (стр. 420). Это мнѣніе хотя и англійское, но далеко не вѣрно. Мы обследовали заселеніе половины Сибири до половины XVII в. и никогда не наблюдали подобнаго явленія между переселенцами; никакихъ повальныхъ болѣзней среди первыхъ переселенцевъ никогда не бывало, потому что мѣста для поселенія выбирались «угожія и крѣпкія».

Въ 1856 году поселенія крестьянъ на Амуръ не было, потому что, вслѣдствіе окончанія войны, Муравьевъ рѣшилъ немедленно же съ устьевъ Амура возвратить всѣ войска за исключеніемъ одного баталіона и нужно было позаботиться о благо-

получномъ возвращеніи. Муравьевъ, живя въ Петербургѣ, сдѣлалъ на этотъ счетъ распоряженія. Войска двинулись отрядами лѣтомъ того же года. «Подниматься, говоритъ авторъ, по громадной, мало извѣстной, пустынной рѣкѣ, вверхъ противъ теченія, 2,300 верстъ массѣ войскъ съ оружіемъ, походной и боевой аммуниціей и провіантомъ было дѣломъ, выходящимъ изъ круга обыкновенныхъ событій». Совершенно вѣрно! Но уже изъ этого предупрежденія автора читатель можетъ напередъ предвидѣть, чѣмъ окончилось возвращеніе войскъ съ Амура. Одинъ иностранецъ по этому поводу говоритъ, что «берега Амура не были еще заселены, зима застала людей за 1,200 верстъ ниже Нерчинска и они умерли отъ холода, голода и истощенія; оставшіеся въ живыхъ одиннадцать человѣкъ питались мясомъ своихъ умершихъ товарищей. Ихъ потомъ куда-то сослали, а бывшаго съ ними прапорщика заставили молчать, наградивъ слѣдующимъ чиномъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ дѣло это обнаружилось». Тутъ преувеличеніе бѣдствія очевидно. Но что же говорятъ офиціальныя донесенія? У подполковника Облеухова умерло 98 человѣкъ, у маіора Языкова 52, у эсаула Пряжевскаго 33 человѣка, а остальные, якобы, добрались до Забайкалья вполнѣ благополучно. Если взять во вниманіе характеръ офиціальныхъ донесеній изъ Сибири во времена Муравьева, то можно смѣло сказать, что погибшихъ солдатъ во время этого необыкновеннаго похода было по малой мѣрѣ вдвое. Муравьевъ въ это время былъ за границей и его лично нельзя во всемъ винить. Но спрашивается: для чего нужно было слѣшить возвращеніемъ войскъ съ низовья Амура и слѣшить такъ, чтобы они всѣ возвратились въ теченіе одного короткаго лѣта въ 1856 году? Одинъ изъ участниковъ въ этомъ походѣ отвѣчаетъ на поставленный вопросъ такимъ образомъ: «Этотъ возвратъ войскъ, по заключеніи мира, былъ совершенно необходимъ». Почему же? «Необходимо было доказать китайцамъ фактическимъ образомъ, что Амуромъ мы владѣемъ и движемся по нему какъ дома» (стр. 464). Но вѣдь уже достаточно доказали, когда въ прошломъ году сплавливали по Амуру и

солдатъ, и крестьянъ и образовали уже на Амурѣ русскія поселенія! Оказывается этого доказательства мало: то двигались внизъ по Амуру, а нужно еще доказать, что мы вверхъ по этой рѣкѣ имѣемъ право двигаться. Всѣ эти доказательства, конечно, можно было принять во вниманіе, если бы они не сопровождались вѣрною гибелью массы людей. Но можетъ быть, Муравьевъ опасался оставить войска въ низовьяхъ Амура въ виду китайцевъ, которые, увидя, что и по заключеніи мира русскія войска не выводятся изъ владѣній китайскихъ, могли напасть на нихъ въ превосходныхъ силахъ? Но и подобнаго опасенія у Муравьева не могло быть: въ томъ же 1856 году онъ въ рапортѣ великому князю Константину доказывалъ, что «оборонительное наше положеніе въ устьяхъ Амура весьма прочно, даже не менѣе прочно, чѣмъ въ Кронштадтѣ».

Дальнѣйшее заселеніе Амура приняло иной характеръ: охотниковъ въ Сибири для переселенія на эту рѣку не находилось, и Муравьевъ началъ переводить туда забайкальскихъ казаковъ то по наряду, то по жребію, селилъ тамъ штрафныхъ солдатъ, присланныхъ изъ Европейской Россіи, которые скоро сдѣлались язвою цѣлаго края. Муравьевъ воображалъ, что онъ оказываетъ великую услугу, заселяя пустынное мѣсто и превращая въ пустыню уже заселенное. Одинъ современникъ, житель города Читы, по поводу заселенія Амура Муравьевымъ, писалъ въ 1859 году слѣдующее: «Относительно извѣстій, сообщаемыхъ объ успѣхахъ заселенія Амура и о состояніи населеній по немъ, начнемъ съ того, что главнаго-то элемента: добровольныхъ переселеній — нѣтъ! А между тѣмъ опытъ и наука говорятъ, что никакія искусственныя сочетанія внѣшнихъ распоряженій и понужденій не въ состояніи замѣнить, ни въ какомъ дѣлѣ, внутренняго живаго начала, и безъ него всегда будутъ безплодны. Были, правда, сначала, въ 1855 году, охотники; но послѣ ихъ не нашлось, да и до сихъ поръ не находится, не смотря на всѣ вызовы, убѣжденія, льготы. А между тѣмъ, кажется, давно ли было, что Амуръ составлялъ идеалъ стремленій всего

здѣшняго населенія, и тогда ничего не требовали, никакихъ льготъ, кромѣ дозволенія, хотя безмолвнаго, хотя бы только не-препятствованія переселиться туда? Какъ же это случилось, что въ такой короткій промежутокъ дѣло повернулось такъ, что переселеніе на Амуръ, въ повсемѣстномъ почти убѣжденіи, сдѣлалось непривлекательнымъ? То-то и есть: испортить дѣло легко, убить живое начало ничего не стоитъ, да поправить-то трудно. Дурной примѣръ, показанный надъ добровольными переселенцами 1855 г., которымъ не дали общеннаго мѣста поселенія, дошедшее извѣстіе о гибели добровольныхъ переселенцевъ на Аянскомъ трактѣ (на р. Маѣ), извѣстія, принесенныя послѣдними вышедшими, и т. п. совершенно измѣнили расположеніе здѣшняго населенія такъ, что, за отсутствіемъ добровольнаго движенія, остались только мѣстныя распоряженія . . . Добровольныхъ переселенцевъ 1855 г. сплавили на устьѣ Амура сказавъ имъ, что ихъ поселятъ близко; въ надеждѣ на это, зажиточные взяли съ собой много хлѣба и другихъ хозяйственныхъ предметовъ, и пригнали много скота, какъ вдругъ имъ объявили, что они могутъ взять только небольшое, опредѣленное количество всего. Такимъ образомъ, тотъ, кто не имѣлъ провозжавшихъ его родныхъ или знакомыхъ, съ кѣмъ могъ бы отослать излишнее, — чего не позволяли взять, бросили даромъ, или продали за безцѣнокъ купцамъ, особенно скотъ; а тѣ, разумѣется, перепродали при случаѣ и даже въ казну съ большимъ барышомъ. И вышло то, что этотъ образъ дѣйствій доставилъ выгоду, конечно, однимъ спекулянтамъ — купцамъ, а на переселенцевъ пали всѣ невыгоды. Надо сказать, что такія же точно послѣдствія имѣли и всѣ другія распоряженія, предпринятія будто-бы для пользы края и улучшенія участи низшаго класса. Отъ того-то онъ и недовѣрчивъ къ подобнымъ обѣщаніямъ, и ничего его такъ не пугаетъ, какъ перемѣны, о которыхъ говорятъ ему, что для него онѣ къ лучшему». Г. Барсуковъ о переселенцахъ на Амуръ 1855 г. замѣчаетъ, что, «по свѣдѣніямъ за слѣдующіе годы, эти первые піонеры крестьянскаго земле-

владѣнія на Амурѣ обжились, устроились и достигли известной степени благосостоянія...» (стр. 421). Но источникъ этихъ свѣдѣній не указанъ.

«Настоящее положеніе добровольныхъ переселенцевъ на устьѣ Амура, пишетъ житель города Читы (который могъ имѣть самыя обстоятельныя на этотъ счетъ свѣдѣнія), вотъ каково: на четвертый годъ пребыванія своего на мѣстѣ они не довели хлѣбопашества до одной еще десятины на ревизскую душу, оставались болѣе двухъ лѣтъ на казенномъ продовольствіи и задолжали въ казну. Вотъ и говорятъ теперь, что они лѣнтяи, что нужны мѣры строгости, но известно, что это средство — рѣшительно бесполезно». Этому мы вполне можемъ вѣрить, потому что и самъ г. Барсуковъ на стр. 420 пишетъ о переселенцахъ 1855 г., что они во время сплава только до Албазина потеряли 280 головъ скота, что тифозная эпидемія и цинга обезсилила крестьянскія семьи и пр. «Разумѣется, пишетъ тотъ же современникъ, что послѣ этого нельзя было ожидать болѣе добровольныхъ переселенцевъ, особенно, когда и послѣднія извѣстія отъ выходившихъ съ Амура не были въ пользу переселенія. Какъ о характеристическомъ явленіи, упомянемъ о томъ, что нѣкоторые отставные нижніе чины, иные и семейные, вышли оттуда; а какъ бы, казалось, не остаться на томъ привольѣ, которое, какъ увѣряютъ, существуетъ тамъ для нихъ, особенно, когда уже разъ были на мѣстѣ. Между казѣками также не нашлось добровольныхъ переселенцевъ; вотъ и стали переселять казаковъ, конныхъ по наряду и выбору, пѣшихъ—по жребію. Были, правда, между казаками такъ называемые добровольно будто-бы идущіе за другихъ; но это былъ только скрытый наемъ. Но и тутъ, не смотря на то, что брали иногда огромную плату, эти наемщики были преимущественно изъ такихъ, которымъ или не при комъ, или не при чемъ оставаться, или, наконецъ, ихъ побуждала крайняя нужда. Наконецъ, чтобы найти благовидный предлогъ выселить кого-нибудь на Амуръ, не выказывая прямого насилія, прибѣгаютъ къ выселенію разбросанныхъ между государственными крестья-

нами черезполосно казаковъ, подъ предлогомъ уничтоженія черезполосности и сокращенія разстояній» (Вѣстн. Промышл. 1859 г. Дек. Наука, стр. 68—71). Вотъ, къ чему привели поспѣшность и опрометчивость Муравьева, а также его стремленіе поскорѣе выказать успѣхи своего управленія Восточною Сибирью, заселенія Амура и устройства тамъ разныхъ поселенцевъ. Тѣмъ не менѣе въ официальныхъ своихъ донесеніяхъ онъ скрываетъ свои неудачи и старается представить все въ прекрасномъ видѣ. Напр. о казачьихъ поселеніяхъ на Амурѣ въ рапортѣ В. Кня. Константину въ 1858 г. Муравьевъ доноситъ: «Казачьи селенія дѣятельно устраиваются, земли обрабатываются¹⁾, домашнее хозяйство казаковъ успѣшно принимаетъ надлежащее развитіе, сами казаки здоровы, бодры духомъ, довольны мѣстами новаго ихъ поселенія и обратились уже къ мѣстной промышленности». Въ другомъ рапортѣ В. князю онъ доноситъ слѣдующее: «Въ Маріинскомъ постѣ я нашелъ прекрасно выстроенныя: пристани, казарму и церковь, многочисленныя магазины для складовъ продовольствія, нѣсколько купеческихъ домовъ, многочисленную солдатскую слободку и множество огородовъ, которыми снабжается не только 15-й батальонъ, но и всѣ жители Николаевска. Отъ Маріинска до Николаевска по правому берегу Амура находятся нѣсколько селеній, построенныхъ еще въ 1855 г.; селенія эти, благодаря благонамѣренной заботливости Козакевича, приняли видъ совершенно благообразный; крестьяне расчистили большія пашни, завелись скотомъ и главное село Михайловское, гдѣ построена сельская церковь, не уступитъ многимъ приволжскимъ селеніямъ. Селенія эти безпрестанно увеличиваются переселяющимися къ нимъ выходцами изъ Сибири на собственное уже иждивеніе. — Николаевскъ съ двумястами номеровъ домовъ, соборомъ, крытыми плитами, механическимъ заведеніемъ и батареями, изъ коихъ Константиновская, среди рѣки, представляетъ теперь уже порядочный портовый городъ; отъ правительства будетъ зави-

¹⁾ А въ письмѣ къ Корсакову, тотъ же Муравьевъ пишетъ, что казаки «только пищать, а хлѣба не сѣють».

сѣтъ, чтобы городъ этотъ распространялся и процвѣталъ подобно С.-Франциско. . .» (Кн. II, №№ 88 и 90).

Эти донесенія очень мало соотвѣтствуютъ дѣйствительному положенію дѣла; въ нихъ столько же правды, сколько и въ мнѣніи Муравьева, что Николаевскъ можетъ имѣть будущность С.-Франциско! Муравьевъ доносилъ, что въ Николаевскѣ есть механическое заведеніе, дѣйствительно оно было устроено, и стоило громаднхъ денегъ, но за негодностью его нельзя было пустить въ ходъ. Что же касается до 200 нумеровъ домовъ въ Николаевскѣ, то большая часть изъ нихъ, вѣроятно, были такіе же, какъ въ Благовѣщенскѣ. «Одинъ чиновникъ, пишетъ въ 1859 г. Завалишинъ, сердился на меня не на шутку за то, что я не вѣрилъ, будто бы прошлымъ лѣтомъ въ какихъ-нибудь два мѣсяца, построено тамъ около 80 домовъ. Стало быть, вы не вѣрите *оффиціальнымъ донесеніямъ*? Не отвергаю ихъ совершенно; но слѣдовательно, явно, тутъ есть недоразумѣніе въ томъ, что называютъ тамъ домами? Я зналъ тамъ одинъ только домъ, да и то сплавленный изъ штаба 12 пѣшаго казачьяго батальона... И вотъ другой корреспондентъ говоритъ, что это были не дома, а мазанки; а мы прибавимъ, что еще въ одинъ плетень, обмазанныя поздно, а потому зимою сырыя и холодныя, которыя поэтому и велѣно сломать. Такъ-то все измѣняется и исчезаетъ само собою, когда подходишь къ мѣсту, гдѣ были миражи». (Вѣстн. Промыш. 1859 г. № 12, Науки, стр. 72).

Относительно поселеній на низовьяхъ Амура, то мы уже приводили свидѣтельство современника, которое совершенно противорѣчитъ донесеніямъ Муравьева. Несправедливо также, что будто бы эти поселенія увеличиваются новыми выходцами изъ Сибири, да еще на собственное иждивеніе; послѣ 1855 г. не было никакихъ добровольныхъ переселенцевъ, даже не смотря на даровой провозъ и на казенное продовольствіе въ теченіе двухъ лѣтъ, а не только на собственное иждивеніе. Тѣмъ менѣе могли быть такіе охотники послѣ 1859 г., когда сплавъ казакъ, продовольствія, скота и хозяйственныхъ принадлежностей

въ этомъ году кончился неудачно. И хотя Муравьевъ въ официальныхъ донесеніяхъ объ этомъ умалчиваетъ, но въ письмахъ къ Корсакову говоритъ объ этой неудачѣ очень откровенно. Въ письмѣ отъ 18 окт. 1859 г. со станицы Купріяновой Муравьевъ пишетъ слѣдующее: «Скотъ въ Николаевскъ недошелъ, но не по милости ссыльныхъ, какъ это будутъ утверждать Читинцы словесно и письменно, а по милости Читинскихъ распоряженій. Скотъ, слѣдующій въ Хабаровку, теперь въ станицѣ Купріяновой, идетъ сухопутно также не по милости ссыльныхъ, а я уже не знаю, по чьей милости; а съ нимъ и лошади для переселенныхъ казаковъ.... Въ Уссурийскомъ батальонѣ въ нынѣшнемъ году остались безъ всего, даже безъ собственнаго хлѣба».... Въ другомъ письмѣ къ Корсакову отъ 30 окт. читаемъ слѣдующее: «Вѣроятно ты недоволенъ письмомъ моимъ изъ станицы Купріяновой; но я увѣренъ, что, по свойственной тебѣ справедливости, будешь огорченъ еще болѣе меня, когда узнаешь о всѣхъ бѣдствіяхъ нынѣшняго сплава; каково же мнѣ, который всѣ эти бѣдствія встрѣтилъ и плылъ изъ Николаевска, въ которомъ и эскадра и войско остались на всю зиму безъ свѣжаго мяса.... наконецъ мука и соль находятся въ такомъ же положеніи, т. е. вездѣ замерзли по Амуру, гдѣ имъ быть не слѣдовало, а куда слѣдовало—не достигли».... Въ письмѣ отъ 15 нояб. Муравьевъ пишетъ: «Пожалуйста, не сѣтуй на меня; если бы ты самъ встрѣтилъ по Амуру въ октябрѣ, что я тамъ встрѣтилъ, то, конечно, разсердился бы еще болѣе меня на все Забайкалье; и дѣйствительно, надо сказать, что, кромѣ тебя и безъ тебя, они ни о чемъ тамъ не думаютъ, кромѣ какъ о себѣ.... *Благовѣщенскъ процвѣтаетъ*; но что дѣлается теперь въ Николаевскѣ безъ скота, право, страшно вспомнить. Почтовыхъ же лошадей изъ 100 дошло до Семеновской станицы только 36 въ самомъ отчаянномъ видѣ къ ноябрю; были всѣ дикія, а теперь падаль». А какъ процвѣталъ Благовѣщенскъ, объ этомъ можно судить по письму изъ этого города полковника артиллеріи Е. А. Савича къ Завалишину изъ Благовѣщенска, отъ 13-го апр. 1859 г..... «Жизнь

наша совѣтъ не такъ блестяща, какъ можетъ быть рассказы-
ваютъ господа «навозные» (иркутская игра словъ: «навозными»
называли тамъ пустыхъ людей, навезенныхъ Муравьевымъ на
службу въ Восточную Сибирь). Въ настоящее время Амуръ есть
единственное мѣсто на цѣломъ земномъ шарѣ, гдѣ цѣнь рѣши-
тельно ни на что не существуетъ, потому что положительно нѣтъ
ничего въ продажѣ.... теперь въ цѣломъ Благовѣщенскѣ не най-
дете ни свѣчъ, ни сахару, ни гвоздя, однимъ словомъ, рѣшительно
ничего. Не смотря на это, положеніе наше несравненно еще лучше
положенія прочихъ Амурскихъ поселенцевъ, потому что мы со-
прикасаемся съ Манчжурскими поселеніями, отъ которыхъ мы
можемъ хоть что-нибудь достать, и не нуждаемся по крайней
мѣрѣ въ самомъ необходимомъ для жизни, т. е. въ хлѣбѣ и овсѣ.
У прочихъ поселенцевъ и этого нѣтъ! Что съ ними будетъ, про-
то одно начальство знаетъ». (Рус. Стар. 1881 г. окт., стр. 400).

Всю вину неудачи сплава 1859 г. Муравьевъ слагаетъ на
своихъ подчиненныхъ, которые ни о чемъ не думаютъ, кромѣ
какъ о себѣ. Но что же заставляло Муравьева окружать себя
людьми больше заботившимися о чинахъ и орденахъ, чѣмъ о дѣлѣ?!
Что заставляло его удалять отъ себя людей талантливыхъ, дѣло-
выхъ, заслуженныхъ и особенно тѣхъ, которые, сознавая свои
заслуги, держали себя самостоятельно? Отвѣтъ на эти вопросы
можно видѣть изъ одного письма Запольскаго, бывшаго военнымъ
губернаторомъ Забайкальской области. «Характеръ главнаго на-
чальника (Н. Н. Муравьева) не загадоченъ, пишетъ въ 1856 г.
Запольскій, и его не трудно опредѣлить: не имѣя геніальныхъ
достоинствъ, но не чуждаясь однако же попасть «безъ драки въ
великіе забіяки», онъ, людей достойныхъ и по истинѣ полезныхъ
ласкаетъ и дорожить ими до тѣхъ поръ, пока не извлечетъ изъ
нихъ того, чего онъ по своимъ замысламъ и расчетамъ достиг-
нуть желаетъ, и тогда уже старается, какими бы то ни было
мѣрами, удалить или переводомъ, или вытѣснивъ непріятностями,
съ тою только цѣлю, чтобы все сдѣланное относилось прямо къ
нему, а отнюдь не къ кому-либо другому; и эта непрерывная

боязнь вынуждаетъ его не оставлять при себѣ людей, могущихъ оцѣнить его дѣйствія, и выказать свои способности и достоинства; и потому окружаетъ себя людьми такими, на которыхъ первый взглядъ укажетъ, что они пороха не выдумаютъ, а по совершившемуся, нельзя не думать, что это придумано и выполнено самимъ главнымъ начальникомъ». (Р. Стар. 1881 г. окт., стр. 396).

Мы не привели бы здѣсь этотъ отзывъ современника и сослуживца Муравьева, если бы не могли подтвердить его фактами. Мы, напр., видѣли, какую великую услугу оказалъ Невельскій, дѣйствовавшій въ Амурскомъ дѣлѣ съ самоотверженіемъ до того, что министръ хотѣлъ его разжаловать. Муравьевъ сначала писалъ о немъ правительству самые лестные отзывы. Такъ въ письмѣ къ Перовскому въ сентябрѣ 1849 г. читаемъ, что Невельскій «превосходно исполнилъ свое порученіе и съ такою полнотою, быстротою, добросовѣстностью и смысломъ, что ему могъ позавидовать и безсмертный Крузенштернъ и всевѣдущій Миддендорфъ» (кн. I, стр. 225). Такой же отзывъ о Невельскомъ находимъ и въ рапортѣ В. кн. Константину въ 1854 г. (стр. 350—351). Но уже въ слѣдующемъ году Муравьевъ находитъ, что Невельскій «вреденъ», что его слѣдуетъ удалить. Въ письмѣ къ Корсакову онъ пишетъ: «Для успокоенія Невельскаго я полагаю назначить его исправляющимъ должность начальника штаба; такимъ образомъ Невельскій съ громкимъ названіемъ не будетъ никому мѣшать и докончитъ свое тамъ поприще почетно» (стр. 395—396). Невельскій сошелъ со сцены, и на его мѣсто назначенъ Козакевичъ. И о дѣятельности и способностяхъ этого послѣдняго Муравьевъ, какъ въ донесеніяхъ вел. князю Константину въ 1858 г., такъ и въ запискѣ Государю въ 1860 г., дѣлаетъ самые лестные отзывы, но въ томъ же 1860 г. (въ письмѣ къ Корсакову) онъ уже находитъ, что и Козакевичъ вреденъ и его нужно удалить. Муравьевъ разсердился на него за какое-то донесеніе вел. князю, несогласное со своими видами, но кажется, болѣе за то, «что съ Козакевичемъ плавалъ Максимовъ, а

Максимовъ подружился съ Завалишинымъ» (стр. 605). Таковая же судьба постигла и Запольскаго. Въ письмѣ къ Перовскому въ 1850 г. Муравьевъ пишетъ: «Я очень доволенъ назначеннымъ сюда новымъ бригаднымъ командиромъ Запольскимъ; кажется, выборъ этотъ сдѣланъ самимъ государемъ и, вполнѣ удовлетворяя потребностямъ здѣшнихъ войскъ и нынѣшнему благо-родному здѣсь направленію, много облегчаетъ мнѣ трудъ нравственнаго здѣсь преобразованія, необходимаго даже и въ войскахъ здѣшнихъ» (стр. 242). И въ донесеніи вел. князю Константину и рапортѣ Государю Муравьевъ съ восторгомъ отзывается о дѣятельности Запольскаго по устройству забайкальскаго войска (стр. 312, кн. II, стр. 95). Запольскій назначенъ былъ первымъ губернаторомъ Забайкальской области и атаманомъ Забайкальскаго казачьяго войска. Но и его Муравьевъ скоро нашелъ «вреднымъ» и приказалъ подать ему въ отставку, намѣреваясь замѣнить его на губернаторство своимъ родственникомъ Корсаковымъ (кн. I, стр. 395). Одинъ изъ защитниковъ Муравьева, Заборинскій, по поводу увольненія Запольскаго пишетъ: «Отдавая полную справедливость П. И. Запольскому, какъ человѣку правдивому и поставившему войска Восточной Сибири на отличную степень фронтового образованія, я не могу не обратить вниманія на то, что если дѣйствительно онъ не могъ передъ генералъ-губернаторомъ отстоять праваго дѣла, то ему, вмѣсто пререканій, слѣдовало самому удалиться, а не выжидать, чтобы первый шагъ къ этому былъ сдѣланъ Н. Н. Муравьевымъ, хотя, какъ видно изъ прилагаемаго при семъ проекта письма. . . . , причиною удаленія была и болѣзнь, о которой ему сообщилъ адъютантъ Запольскій». Да, Муравьевъ не любилъ возраженій, какъ бы они ни были благоразумны, и если кто не хотѣлъ исполнять его распоряженія, то онъ такихъ дѣятелей удалялъ. Тотъ проектъ письма, о которомъ упоминаетъ Заборинскій, таковъ: «Милостивый государь Павелъ Ивановичъ! Сынъ вашего превосходительства, адъютантъ мой, довелъ до моего свѣдѣнія о болѣзненномъ состояніи вашемъ и необходимости воспользоваться

совѣтами искусныхъ медиковъ, но что ваше превосходительство безъ согласія моего не рѣшаетесь просить увольненія въ продолжительный отпускъ и т. д.» (Р. Ст. 1883 г. іюнь, стран. 633, 656). А между тѣмъ, несомнѣнно, что Запольскій былъ столь же боленъ, какъ и Мангазеевъ, объ увольненіи котораго мы упоминали выше. Въ письмѣ къ Корсакову Муравьевъ пишетъ, что онъ приказываетъ Запольскому немедленно удалиться «безъ всякихъ предварительныхъ со мною объясненій» (стр. 394). А вотъ и письмо самого Запольскаго, объясняющее настоящую причину его увольненія. 18-го янв. 1856 г. онъ такъ пишетъ о себѣ къ сестрѣ Завалишина: «Вашъ покорный слуга уволенъ въ отпускъ, до излѣченія болѣзни, не только безъ моего ходатайства, но даже и безъ прошенія и только потому, что не хотѣлъ перемѣнить отчета объ инспекторскомъ смотрѣ, долженствовавшемъ быть повергнутымъ на Высочайшее воззрѣніе, въ отчетѣ этомъ были выставлены безпорядки, допущенные нѣкоторыми изъ гг. командировъ, покровительствуемыхъ и пользующихся милостивымъ расположеніемъ окружающихъ главнаго начальника». (Рус. Стар. 1881 г. окт., стр. 397).

Г. Барсуковъ смѣло приводитъ въ своей книгѣ свѣдѣнія и отзывы панегиристовъ Муравьева и въ то же время совершенно игнорируетъ статьи противоположнаго характера, называя первыя правдивыми, а вторыя—лживыми; но ему слѣдовало бы показать — въ чемъ состоитъ лживость первыхъ, опровергнуть эту ложь документальными данными. Для уясненія дѣла мы считаемъ нужнымъ познакомить читателя съ нѣкоторыми извѣстіями изъ хвалебныхъ и обличительныхъ статей.

Еще до Айгунскаго договора Муравьевъ рѣшился колонизовать Амуръ, въ большихъ размѣрахъ распространить тамъ русское населеніе, но откуда взять насельниковъ, когда сама Восточная Сибирь еще чрезвычайно слабо была заселена русскимъ элементомъ? И вотъ, по распоряженію начальства (Р. Ст. 1881 г. окт., стр. 409), нѣкоторые служащіе начинаютъ въ журналахъ и газетахъ восхвалять Амуръ, чтобы привлечь туда русское на-

селеніе. Романовъ въ Рус. Вѣстн. пишетъ, что Амуръ — эта такая рѣка, съ которою не можетъ сравниться никакая другая въ свѣтѣ, что это Миссисипи, что тамъ растетъ виноградъ и пр. и пр., а въ другой статьѣ замѣчаетъ, что Амуръ такая же рѣка, какъ и всѣ прочія рѣки міра. Противникъ его (въ Вѣстн. Пром.) Завалишинъ смѣется надъ этимъ отступленіемъ Романова, называя это Ксенофоновымъ отступленіемъ съ 10 т. словъ. Никто не сомнѣвался въ томъ, что Амуръ, хотя и не Миссисипи и тамъ не растетъ винограда, рѣка богатая и для переселенцевъ предоставитъ большое приволье, но какъ туда добратъся? Назимовъ пишетъ статью въ Морскомъ Сборн. «О пути по рѣкѣ Амуру въ 1857 г.», въ которой доказываетъ, что съ этого года установилось правильное зимнее и лѣтнее сообщеніе. «Ноября 17 (1856) прибылъ офицеръ изъ Маріинскаго поста въ Николаевскій, съ донесеніемъ, что дорога по рѣкѣ вверхъ благонадѣжна и что вновь устроенныя въ теченіе лѣта почтовые станціи снабжены всѣмъ надлежащимъ для почтовой гоньбы. Ноября 18 въ первый разъ на р. Амурѣ раздался звукъ почтоваго колокольчика. конная ѣзда тройками, явленіе не бывалое еще на р. Амурѣ, привлекала туземцевъ къ нашимъ почтовымъ станціямъ; быстрая перемѣна лошадей, а еще быстрѣе самая ѣзда, преобразила на этотъ разъ всегда смѣлыхъ гиляковъ въ крайне почти тѣльныхъ».... Первый прокатился по новому почтовому тракту военный губернаторъ Приморской области съ нѣкоторыми лицами штаба своего и съ этого времени, докладываетъ Назимовъ, «началось правильное сообщеніе по р. Амуру на пространствѣ 320 верстъ отъ устья», а далѣе станціи устраиваются. Весною слѣдующаго года на р. Амурѣ появились пароходы и «съ этихъ поръ началось правильное лѣтнее сообщеніе на всемъ протяженіи р. Амура отъ устья до вершины. Въ семь году сообщеніе по рѣкѣ содержали казенные пароходы «Лена» и «Амуръ»; съ будущаго же года число пароходовъ будетъ увеличиваться по мѣрѣ надобности и съ этою цѣлію уже заказано въ Америкѣ нѣсколько желѣзныхъ пароходовъ, которые будутъ доставлены на

р. Амуръ въ слѣдующую навигацію». «Внимательная же и рѣдкая заботливость настоящаго военного губернатора П. В. Козакевича о благосостояніи всѣхъ сословій, проживающихъ въ Приморской области Восточной Сибири, есть лучшее ручательство того преуспѣянія въ улучшеніи быта на р. Амурѣ, которое каждый съ увѣренностью можетъ теперь тамъ встрѣтить». (Мор. Сборн. 1857 г. ноябрь, смѣсь, стр. 1—5). Назимову оставалось только прибавить: пожалуйста, господа, на Амуръ. Такого рода извѣстія муравьевскихъ чиновниковъ о сообщеніяхъ по Амуру перепечатывались и другими русскими журналами и газетами. Напр. въ Отеч. Зап. за 1858 г. читаемъ слѣдующее: «Съ прошлаго лѣта началось правильное пароходное сообщеніе отъ устья р. Амура до ея вершины. Это сообщеніе содержали два казенные парохода и т. д.». (Отеч. Зап. 1858 г., томъ CXVI, Совр. Хрон., стр. 16). Романовъ въ Рус. Вѣстн. увѣряетъ, что на Амуръ добраться легко, потому что съ осени 1858 г. откроется «непрерывное сообщеніе на тройкахъ съ колокольчиками отъ моря Балтійскаго до Восточнаго океана. . . . Вы можете взять себѣ подорожную изъ всякаго уѣзднаго города, хоть напр. Рыльска, до Николаевска, садитесь въ кибитку и нигдѣ васъ не потревожатъ верховою или собачьей ѣздою до самаго восточнаго океана. . . . Ни одно государство въ свѣтѣ не можетъ похвастаться непрерывнымъ сухопутнымъ путемъ отъ морей одной части свѣта въ другую. Посмотрите какъ далеко еще отъ исполненія подобнаго предпріятія въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ, кажется, всѣ препятствія природы, всѣ разстоянія такъ легко побѣждаются». (Р. В. 1858 г. Совр. лѣт., стр. 368, 369). Самъ Муравьевъ доносилъ въ 1858 г., что «сообщеніе по всей линіи заселенія Амурскаго полка (отъ Усть-Стрѣлочнаго караула включительно до входа рѣки въ щели Гинганскаго хребта) поддерживается правильно и безостановочно», т. е. на протяженіи 1000 верстъ. Таковы извѣстія о путяхъ сообщенія по Амуру въ статьяхъ «правдивыхъ»; но что же пишутъ въ статьяхъ «лживыхъ» о томъ же самомъ? «Въ Ирк. Губ. Вѣд. переѣздъ изъ Николаевска вверхъ по Амуру до Усть-Стрѣлки,

замѣчаетъ Т—въ, описанъ былъ г. Паргагевскимъ...., который говоритъ, что путь этотъ сопряженъ былъ съ неимоверными трудностями и стоилъ ему много горя и лишеній. Ъхалъ онъ три мѣсяца и считалъ себя счастливымъ, что добрался до мѣста цѣль и невредимъ. Но не прошло еще одного лѣта, этотъ путь вдругъ быстро измѣняется, да измѣняется такъ, что поражаетъ своею неимоверною метаморфозою, и г. Романовъ увѣряетъ, что путь этотъ, по которому ѣхать было труднымъ подвигомъ, рискованнымъ дѣломъ, теперь предпочитается прежнему удскому пути, и чиновники, по собственному выбору, отправлялись имъ въ декабрѣ изъ Николаевска въ Шилкинскій заводъ. Каковъ прогрессъ! И въ западной Европѣ и въ Америкѣ ничто такъ быстро не улучшалось! Г. Романовъ говоритъ, что «до Маріинскаго поста почтовая ѣзда такъ исправна и удобна, что ничего не остается желать лучшаго. Станціонные дома теплы, чисты, у подъѣздовъ стоятъ столбы съ двуглавыми орлами, названіями станцій и означеніемъ числа верстъ отъ сосѣднихъ станцій; только не достаетъ надписей, «сколько верстъ до Москвы и Петербурга», чтобы походить на обыкновенный почтовый трактъ Великороссіи. Но за то въ отношеніи скорости ѣзды мы здѣсь перещеголяли многіе великороссійскіе тракты»..... «Осенью въ 1855 г., говоритъ Романовъ, приплыли сюда переселенцы изъ-за Байкала, изъявившіе добровольно желаніе поселиться на Амурѣ; не успѣли они еще порядкомъ обстроиться и обзавестись хозяйствомъ, какъ на другой годъ зимою уже открывается почтовое сообщеніе между Маріинскомъ и Николаевскомъ, съ русскими тройками, колокольчиками, кошевыми, санями и теплыми станціями, между которыми наибольшее разстояніе не превосходитъ 30 верстъ». «Прочитаешь, замѣчаетъ скептикъ Т—въ, и позавидуешь, сравнивь съ тѣмъ, какъ русскіе въ Россіи-то дѣлаютъ все медленно, а тамъ-то на Амурѣ! Положимъ, иногда закрадется сомнѣніе, но оно перейдетъ въ удивленіе, если вспомнимъ, что въ настоящій вѣкъ, въ вѣкъ предпріимчивый все можно допустить, да вѣроятно же и авторъ не станетъ говорить несбыточнаго и обманывать публику; съ какой

статѣ? вѣдь онъ хорошо знаетъ, что въ ней найдутся многіе, желающіе переселиться на Амуръ, которые, если не будутъ увлечены, то по крайней мѣрѣ успокоены общаніемъ г. Романова, что переселенцы не подвергнутся никакимъ невзгодамъ. Нельзя же предполагать какой-нибудь иной цѣли автора въ обнародованіи несправедливыхъ фактовъ. Будемъ вѣрить: блаженъ кто вѣруетъ, тепло тому на свѣтѣ! Но будетъ-ли тепло на Амурѣ тому, кто повѣритъ Романову?» (Мор. Сборн. 1859 г. Дек. Крит. и Библ. 80—82).

Г. Т—ву, жившему въ Европейской Россіи, трудно было доказывать несообразность извѣстія Романова и Назимова о путяхъ сообщенія по Амуру; онъ только смѣется, иронизируетъ надъ ними. Но обратимся къ другому противнику, жителю г. Читы, г. Завалишину, которому легко было провѣрить сообщенія «справдивыхъ статей». Въ статьѣ Завалишина «Кого обманываютъ и кто окончательно остается обманутымъ», находимъ слѣдующее: «Когда читаемъ все то, что пишутъ объ Амурѣ, и сравниваемъ съ дѣйствительностію, то не знаемъ — чему болѣе удивляться: совершенному ли незнанію предмета, или отъявленно дурнымъ цѣлямъ, потому что есть такія вещи, которыя, принадлежа явно къ разряду чистаго вымысла и невозможностей, не только не извинительны, но и не объясняются даже ни полнымъ незнаніемъ, ни даже возможностью невѣдѣнія. Скажемъ, что, къ сожалѣнію, и сообщавшіе подобныя статьи—газеты и журналы не совсѣмъ правы: нелѣпость иныхъ вещей, и безъ особеннаго опроверженія съ мѣста, до такой степени иногда очевидна, что могла быть давно ими открыта, какъ изъ самыхъ противорѣчій этихъ же статей, такъ и изъ сличенія съ самыми общеизвѣстными законами вещей.... Много повредило дѣлу и исказило его и то, что когда одни громогласно могли провозглашать небылицы, другіе поставлены были въ невозможность возражать во-время; а между тѣмъ давно бы пора снять покровъ таинственности, которымъ несправедливо прикрывались всѣ дѣйствія на Амурѣ, и, подвергнувъ обсужденію дѣйствительной гласности, свѣять, вво-

дящіе только въ заблужденіе, фантомы или призраки, порожденные тою фальшивою гласностью, которая будто бы допускаетъ говорить открыто, принимая между тѣмъ мѣры, чтобы утаить дѣйствительное зло...».

Послѣ этого предисловія Завалишинъ разбираетъ извѣстія «правдивыхъ» статей о путяхъ сообщенія по Амуру. «Г. Назимовъ увѣрялъ, что еще въ 1857 году началось правильное лѣтнее сообщеніе по Амуру и что съ будущаго года число пароходовъ увеличится. Посмотримъ же какъ все это сбылось и что это было за правильное сообщеніе? Для тѣхъ, кто не знаетъ, мы должны предварительно сказать, что здѣсь были построены пароходы: «Аргунь» и «Шилка». «Аргунь» отправилась въ 1854 году и не возвращалась, оказавшись неспособною идти противъ теченія; «Шилка», отправясь изъ Шилкинскаго завода, осенью 1855 года невдалекѣ стала на мель и замерзла; она спущена потомъ, въ 1856 году, на устьѣ Амура, и хотя увѣряли, что послѣ передѣлки можетъ ходить до Усть-Зей, но попытка идти противъ теченія въ 1856 году не удалась. Пароходъ «Надежда», на которомъ въ 1855 году поднимался вверхъ Путятинъ, по тѣснотѣ помѣщенія и глубокой осадкѣ мало пригоденъ и въ слѣдующіе годъ не доходилъ далѣе Усть-Зей. Въ 1858 году никакихъ новыхъ пароходовъ противъ 1857 года не прибыло и такъ сообщеніе до сихъ поръ могло только производиться и производилось упомянутыми Назимовымъ, полученными изъ Америки пароходами «Лена» и «Амуръ». «Лена», поднявшись до Шилкинскаго завода, тамъ и зазимовала..... слѣдовательно совершила только одинъ рейсъ, и то въ одну сторону, въ цѣлую навигацію 1857 года; что же касается парохода «Амуръ», то онъ одинъ только разъ дошелъ до Усть-Зей, а возвращаясь назадъ, сталъ на мель и замерзъ, слѣдовательно, опять и онъ цѣлую навигацію не совершилъ полного оборота, даже и на части рѣки. Спрашивается, позволительно ли называть подобныя вещи правильнымъ сообщеніемъ?» Что же касается другихъ средствъ сообщенія по Амуру въ 1857 году, то Завалишинъ приводитъ слишкомъ убѣдительный примѣръ: «Одинъ

штабъ-офицеръ, имѣвшій еще личныя причины какъ можно скорѣе поспѣшить въ Иркутскъ, и въ распоряженіе котораго даны были всѣ средства, отправясь вверхъ по Амуру до половины августа, едва добрался до Иркутска 6-го ноября; отправившіеся же изъ Николаевска въ началѣ октября чрезъ Аянъ, не смотря на то, что и этотъ трактъ былъ уже въ полномъ разстройствѣ, прибыли въ Иркутскъ 20-го ноября. Протяженіе пути считается одинаково».

Далѣе Завалишинъ доказываетъ, что и въ 1858 году не было никакого правильнаго сообщенія по Амуру. Оставались только тѣ же два парохода «Шилка» и «Аргунь» и они не совершили ни одного рейса. «Что же касается до сообщенія на лодкахъ, то отправившіеся тотчасъ по вскрытіи рѣки 2-го мая изъ Маріинска люди, притомъ со средствами, прибыли въ Читу на 31-е іюня. Почта изъ Николаевского отъ 15-го іюля получена въ городѣ Читѣ 1-го ноября, т. е. черезъ три съ половиною мѣсяца. Другіе примѣры, приводимые Завалишинымъ для характеристики сообщенія по Амуру, такого же рода. Романовъ въ «Русскомъ Словѣ» сообщаетъ, что на Усть-Уссурі зимуетъ (съ 1857 на 1858 годъ) пароходъ «Амуръ». Завалишинъ смѣется надъ этой зимовкою; «это, говоритъ онъ, напоминаетъ бонапартовы бюллетени о зимнихъ квартирахъ въ Россіи». «Амуръ» просто сѣлъ на мель и замерзъ (Мор. Сбор. 1859 г., Науки, стр. 41—46). Что же касается почтовыхъ станцій на Амурѣ, о которыхъ писали Романовъ и Назимовъ, то это оказывается не болѣе какъ декораціи Потемкина. Романовъ пишетъ, что почта изъ Николаевска отходитъ каждый мѣсяцъ (Р. В. 1858 г., № 16, Совр. Лѣт., стр. 864), но «Экон. Указ.» и затѣмъ примѣчаніе редактора въ «Мор. Сбор.» совершенно опровергаютъ сообщенія Романова и Назимова, говоря, «что по отзыву почтоваго вѣдомства на Амурѣ не было почтовыхъ станцій и лошадей» (Мор. Сбор. 1859, Крит. и библиогр., стр. 83). Не могло быть почтовыхъ сообщеній и въ 1859 году (см. письмо Муравьева къ Корсакову отъ 15-го ноября 1859 года).

Теперь читатель самъ можетъ судить, гдѣ правда — въ статьяхъ «правдивыхъ» или, «лживыхъ» въ вопросѣ о сообщеніяхъ по Амуру, и на сколько правъ г. Барсуковъ, увѣряющій, что «сообщеніе зимою (1858 года) не прекращалось, такъ что почты и курьеры нигдѣ не имѣли задержки» (кн. 1, стр. 525).

Возьмемъ еще одинъ примѣръ. «А взглянуть на зараждающуюся иностранную торговлю Сибири, пишетъ Романовъ въ 1858 году, сердце радуется! Не успѣла еще Россія ничего толкомъ узнать объ открытіи Амура, не успѣли еще въ Петербургѣ прославить его несудоходнымъ..... какъ въ Амуръ входитъ уже семь иностранныхъ кораблей, съ грузомъ слишкомъ на 300,000 р. Въ 1857 году цѣнность всѣхъ грузовъ, передвигавшихся по Амуру, доходитъ до 1.000,000 р. с. Что же будетъ далѣе при такомъ богатомъ началѣ? И теперь уже жители Иркутска пьютъ кофе съ здѣшнимъ сахаромъ, курятъ сигары, привезенныя чрезъ Николаевскъ изъ Маниллы и Гаваны....» (Совр. Лѣт., стр. 368—369). То же сообщаетъ о торговлѣ на Амурѣ и Назимовъ (Мор. Сбор. Смѣсь, стр. 4). Затѣмъ въ другихъ статьяхъ приводятся цѣны на сахаръ (7 р. 50 к. пудъ) и прочіе предметы потребленія, а въ «С.-Пб. Вѣд.» одинъ корреспондентъ утверждалъ, что такой привозъ иностранныхъ товаровъ подѣйствовалъ даже на Ирбитскую ярмарку (Вѣстн. Пр. 1859 года, Кр. и Б., стр. 86).

И въ извѣстіяхъ «правдивыхъ статей» о торговлѣ на Амурѣ не оказывается ни слова правды. Завалишинъ (Морск. Сб. 1858 г., Смѣсь, стр. 48) съ точными данными въ рукахъ совершенно опровергаетъ эти извѣстія и дѣлаетъ такой вызовъ: «Найдя большую неопредѣленность въ выраженіяхъ, голословныя утвержденія и, наконецъ, даже противорѣчія въ собственныхъ указаніяхъ, въ разныхъ статьяхъ, относящихся до Амура и соединенныхъ съ дѣйствіями на немъ распоряженій и дѣятельности, мы приглашаемъ составителей этихъ статей къ поясненію разныхъ своихъ извѣстій и утвержденій, положительными, опредѣленными указаніями — какъ единственное средство дать для будущихъ сообра-

женій правильное и прочное основаніе. Поэтому просимъ покорнѣйше г. Назимова, корреспондента «Библ. для Чт.», «Спб. В.» и др. относительно предметовъ, въ существованіи которыхъ они завѣряли, сообщить намъ, когда именно, кѣмъ, что, въ какомъ размѣрѣ, и притомъ, какимъ способомъ и средствами, съ какими расходами сдѣлано. Что, кѣмъ, когда привезено, и гдѣ, въ какомъ количествѣ и по какой цѣнѣ у кого продавалось?».

Замѣчательно, что г. Романовъ въ отвѣтной статьѣ, напечатанной въ «Мор. Сбор.» 1860 г., не представилъ ни одного факта въ опроверженіе Завалишина. Но чтобы поразить противника, онъ прибѣгаетъ къ совершенно особому способу полемики. «Намъ всегда казалось страннымъ, пишетъ Романовъ, что подобныя статьи (Завалишина) нашли себѣ мѣсто въ «Мор. Сб.»,—официальномъ органѣ морского министерства. Большая часть амурскихъ дѣйствій производится черезъ морское вѣдомство, слѣдовательно, осуждая эти дѣйствія, «Мор. Сборникъ» прежде всего обвиняетъ морское министерство». «Описанія Завалишина діаметрально противоположны официальнымъ свѣдѣніямъ, доставляемымъ съ Амура мѣстными властями».... Последнее вѣрно, но мы уже знаемъ, какъ нужно относиться къ официальнымъ свѣдѣніямъ мѣстныхъ властей при Муравьевѣ. На упрекъ, обращенный къ «Мор. Сборнику», Назимовъ заявляетъ: цѣль статей г. Завалишина достигнута въ томъ смыслѣ, что съ появленіемъ ихъ въ «Ирк. Вѣд.» напечатана статья, подтверждающая факты, приведенные Завалишинымъ, и опровергающая извѣстія, сообщенныя г. Романовымъ» (М. Сб. 1860, стр. 179). Спрашивается теперь: для чего гг. Романовы, Назимовы, Карповы и др. сообщили ложныя извѣстія о дѣлахъ на Амурѣ? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ г. Т—въ приводитъ выписку изъ «Воен. Сбор.» «Изнанка крымской войны»: «Каждый рассчитываетъ, что онъ скорѣе получитъ награду, если сообщить, что-нибудь пріятное, чѣмъ непріятное. Поэтому все и всегда идетъ прекрасно, пока наконецъ не бываетъ уже рѣшительно никакой возможности скрыть какой-нибудь бѣды. Когда же бѣда откроется, то

уже розданныхъ наградъ вернуть бываетъ нельзя... Чѣмъ больше кто получилъ, тѣмъ больше тотъ сдѣлался заслуженнымъ, тѣмъ того прискорбнѣе разоблачать изъ его величія. Люди слабы. Расчетъ ясенъ» (Вѣстн. Пром. 1859 г. Кр. и Биб., стр. 105).

И дѣйствительно, какъ самъ Муравьевъ во время службы въ Сибири значительно «пополнилъ свой формулярный списокъ», такъ и тѣ его подчиненные, которые держались политики своего начальника. При этомъ считаемъ нужнымъ привести здѣсь отрывокъ изъ письма полковника Савича отъ 1861 г., который, какъ видно, держалъ себя иначе, чѣмъ большинство подчиненныхъ Муравьева. «Право, иногда сдается, что не для того ли Амуръ существуетъ, чтобы были сплавы; а сплавы для того, чтобы было за что награждать такихъ людей, которыхъ уже ни за что другое награждать нельзя»... (Р. Стар. Окт. 1881, стр. 401).

Другой современникъ, Бестужевъ, въ письмѣ къ Завалишину въ 1859 г. писалъ: «Читалъ я возраженіе на твою статью объ Амурѣ. Романовъ плохо защищаетъ плохія дѣла» (ibid. стр. 409). А главное, статьи Романова, Карпова и др. встрѣчали совершенное недовѣріе какъ въ Сибири, такъ и въ Европ. Россіи уже по одному тому, что онѣ писались подчиненными Муравьева. Тогда нашли «ссылно-каторжнаго поляка Гилярія Вебера, который подъ подложнымъ именемъ Ф. Антонова послалъ статью въ «Мор. Сбор.», которая тамъ и была напечатана по хадатайству Иркутскихъ властей, а Веберъ въ награду, опять-таки подъ чужимъ именемъ, получилъ въ аренду горнаго вѣдомства стеклянный Шилкинской заводъ. Но Завалишинъ сейчасъ же разоблачилъ всю интригу и препроводилъ въ «Мор. Сбор.» офиціальную выписку, за подписаніемъ помощника начальника Нерчинскихъ заводовъ, изъ статейнаго списка о лѣтахъ и о преступленіяхъ ссылно-каторжнаго Гилярія Вебера за № 3627, гдѣ значится, что Веберъ, кромѣ того преступленія, за которое былъ сосланъ въ Сибирь, снова и тамъ былъ, по приговору Ирк. губ. суда, наказанъ плетью, за составленіе подложнаго письма. Въ-

стѣ съ тѣмъ Завалишинъ доказаль, что этотъ Веберъ и есть мнимый Ф. Антоновъ, и поздравилъ «Мор. Сбор.» съ такимъ сотрудникомъ» (ibid. стр. 409).

Но сторонники Муравьева не пренебрегали никакими средствами, какъ для рекламы своей дѣятельности въ Сибири, такъ для уничтоженія своихъ противниковъ. По ходатайству Муравьева въ Иркутскѣ была основана въ 1859 г. новая газета «Амуръ», которая должна была знакомить русское общество съ амурскими дѣлами. Понятно въ какомъ духѣ писались тамъ статьи объ этихъ дѣлахъ, когда самъ Муравьевъ былъ и цензоромъ этой газеты. Однако зло, которое дѣлала компанія въ Сибири, было столь велико, что и между сотрудниками «Амура» нашелся человекъ, написавшій тамъ статью съ разоблаченіями въ духѣ Завалишина. Тогда Муравьевъ рѣшился немедленно уничтожить эту газету и притомъ такимъ способомъ, который очень ярко характеризуетъ личность этого генераль-губернатора. Въ письмѣ къ Корсакову въ 1860 г. Муравьевъ пишетъ, что онъ не можетъ допустить клеветы и злобы въ газетѣ, находящейся подъ его покровительствомъ и цензурою. «А потому самое простое средство: запретить печатать эту газету военной типографіи. . . . а также и губернской типографіи не позволять принимать печатаніе ея; тогда редактору останется только переписывать свою газету чрезъ писарей». Этого мало: видя, что г. Романовъ и ему подобные «плохо защищаютъ плохія дѣла», Муравьевъ самъ отправилъ статью въ «Ирк. Вѣд.», конечно, не подъ своимъ именемъ. Въ одномъ письмѣ къ Корсакову онъ между прочимъ замѣчаетъ, что «сообщилъ статью въ Иркутскія Губернскія Вѣдомости, которую прилагаю для свѣдѣнія твоего и Буткова». Но что значили всѣ эти средства предъ обличительными статьями Завалишина, который съ необыкновеннымъ искусствомъ, остроуміемъ и съ массою неопровержимыхъ данныхъ въ рукахъ разоблачалъ дѣятельность иркутскихъ властей?! . . Тогда послѣднія рѣшили наложить veto на статьи этого человека и добились въ Петербургѣ ихъ запрещенія. И вотъ редакторы

журналовъ съ грустію заявляютъ Завалишину, что они не могутъ печатать его новыхъ статей, потому что начальство запрещаетъ. Адмиралъ Матюшкинъ, редакторъ «Мор. Сбор.», отправилъ къ нему слѣдующее письмо:

Спб. 20-го Сен. 1860 г.

«Милостивый государь Дмитрій Иринарховичъ! Три раза начиналъ писать вамъ, и всѣ три письма сжегъ. Къ вамъ писать — должно писать откровенно, — или вовсе не писать! Я вижу, что я не имѣю вашей гражданской храбрости и самоотверженія, впрочемъ онѣ были бы бесполезны въ настоящемъ случаѣ. . . . Въ увѣренности, что Н. Н. (Н. Н. Муравьевъ) прежде васъ прочтетъ эти строки (Матюшкинъ не ошибся: письмо его доставлено Завалишину распечатаннымъ), скажу вамъ только, что порученіе ваше исполнено, и ваши бумаги, изъ архива морского ученаго комитета переданы сестрѣ вашей. Вашъ истинно уважающій Ф. Матюшкинъ». А сестрѣ Завалишина редакторъ сказалъ: «мы всѣ отъ нихъ въ восторгѣ, но что отъ начальства строго запрещено ихъ печатать. Ихъ читали, и велено положить въ архивъ для будущаго поколѣнія . . . что за послѣднюю статью, напечатанную въ «Мор. Сбор.», ему очень намылили голову, потому что онъ, Матюшкинъ, пропустилъ ее своею властію безъ особаго разрѣшенія». (Р. Стар. 1881 г. Окт., стр. 407—408). — Главный редакторъ «Рус. Инвал.» и «Воен. Сбор.» генералъ-лейтенантъ Меньковъ послалъ Завалишину нѣсколько писемъ по тому же поводу, но мы приведемъ здѣсь одно изъ нихъ.

Спб. 1-го Нояб. 1861 г.

«М. гос. Д. Иринарховичъ! Редакція «Военнаго Сборн.» искренно признательна вамъ, м. г., за свѣдѣнія, сообщенныя вами; они знакомятъ съ неустройствомъ края, къ полному сожалѣнію, еще столь смутно понимаемаго въ Россіи. Внимательно читывая ваши письма, исполненныя живаго интереса, я съ грустію пришелъ къ старому, не разъ доказанному убѣжденію, что сколько бы частныя лица ни желали добра краю, пока въ дѣятеляхъ правительства не будетъ искренности и прямого понятія о святости

долга своего, всё сѣтованіе останутся тщетными. — Вы вините редакціи, что онѣ не печатають вашихъ статей, что я не печатаю вашихъ писемъ; но виноваты ли въ томъ лица и редакціи, надъ которыми существуетъ самая строгая, и никогда не снисходительная цензура?» . . . (ibid. стр. 413).

Но Завалишинъ уже успѣлъ въ своихъ статьяхъ достаточно охарактеризовать дѣятельность Иркутскихъ властей и печатно произнести свой мѣткій приговоръ: «суета не есть дѣятельность; движеніе по ложному пути не есть преуспѣяніе; всякое дѣло, которое вновь надобно передѣлывать, хуже, нежели вовсе не сдѣланное; перестановка не есть органическое развитіе; извлеченіе средствъ, на счетъ истощенія капитала, не есть увеличеніе дохода; декорація не есть дѣйствительность, и, наконецъ, каждая вещь должна имѣть свое собственное основаніе, а не совершаться для побочныхъ цѣлей». (Вѣстн. Пр. 1859, Науки, стр. 44).

Спрашивается однако: можно-ли довѣрять Завалишину, имѣлъ ли онъ возможность знать правду объ амурскихъ дѣлахъ, проживая въ Читѣ? — На этотъ вопросъ мы отвѣчаемъ совершенно утвердительно; это убѣдительно доказано еще въ 1881 г. въ «Р. Стариинѣ», гдѣ напечатаны письма къ Завалишину какъ отъ частныхъ лицъ, жившихъ въ Восточной Сибири, такъ и отъ лицъ, служащихъ при Муравьевѣ. Благодаря своей обширной перепискѣ, онъ могъ знать всю правду и собирать свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ. Доказательствомъ правдивости статей Завалишина можетъ служить еще то, что появленіе ихъ встрѣчено необыкновеннымъ сочувствіемъ со стороны всѣхъ тѣхъ, кто не принадлежалъ къ кружку Муравьева. Какъ въ Европ. Россіи, такъ и Сибири его величали «бойцомъ за правду», справедливымъ и безпристрастнымъ въ разоблаченіи злоупотребленій тогдашняго сибирскаго начальства. Приведемъ здѣсь нѣкоторыя письма къ Завалишину, писанныя именно по поводу его статей.

1) Письмо изъ Благовѣщенска на Амурѣ, артиллеріи полковника Е. А. Савича отъ 13 Апр. 1859 г.

.... «Желаю отъ всей души, чтобы предпринятое вами святое дѣло имѣло полный успѣхъ. Дѣлу этому я сочувствую вполне! Подвиги ваши во имя правды должны бы заставить еще больше уважать васъ, если бы это было возможно! Слухи о вашей статьѣ давно уже до насъ достигли и мы, не зная еще ее, заранѣе радовались, что она откроетъ глаза ходящимъ во тьмѣ!»....

2) Письмо изъ Москвы офицера И., служ. въ Забайкальскомъ краѣ и на Амурѣ, 29 Мая 1859 г.

.... «Зная васъ только по слухамъ, я никогда не предполагалъ, что я когда-либо буду писать вамъ; но случайно прочитавъ въ «Мор. Сбор.» прекрасную статью вашу, въ которой вы такъ дѣльно, ясно, положительно и справедливо обнаружили что до сихъ поръ было писано (да къ сожалѣнію продолжаетъ писаться и теперь) ложнаго и хвастливаго... подъ вліяніемъ того убѣжденія, что провѣрить справедливость ихъ, по дальнему разстоянію, трудно. Что это дѣлается съ умысломъ, главное, обманувъ общественное вниманіе, прислужиться начальству и извлечь изъ того себѣ пользу по службѣ, — объ этомъ нечего и говорить! *Ваша же статья, кромѣ того, что показываетъ положительное знаніе вами въ подробности и совершенной, изумительной вѣрности всего, что касается до Амура, удивила меня совершенно справедливымъ и безпристрастнымъ изложеніемъ всего въ томъ самомъ видѣ, какъ дѣйствительно тамъ и находится.* Но я еще болѣе былъ удивленъ, увидѣвъ вашу подпись, и то, что статья эта писана въ Читѣ, и въ такое время, когда столько людей, противъ совѣсти, стараются наперерывъ изъ личныхъ расчетовъ, восхвалять все, при содѣйствіи сибирскаго начальства, слушающаго съ удовольствіемъ похвалы пустыхъ людей, ласкающихъ его самолюбіе, и заставляющихъ думать, что оно и въ самомъ дѣлѣ сдѣлало величайшую услугу Россіи, за которую, пожалуй, мало еще и тѣхъ наградъ, которыя въ послѣднее время сыпали на него. — И дѣйствительно! обнаружить лживость распространенныхъ слуховъ, особенно на мѣстѣ ихъ происхожденія и въ такое время, когда они, не смотря на нелѣпость, ка-

жуются правдоподобными, особливо для людей, не видавшихъ тѣ мѣста, не знающихъ, да и не могущихъ знать и составить и малѣйшаго понятія о личностяхъ, которыя владычествуютъ въ Восточной Сибири, объ ихъ деспотической власти, не знающей ни совѣсти, ни закона, — ваша попытка передать вещи въ настоящемъ, не прикрашенномъ видѣ — есть именно подвигъ, заслуживающій полного уваженія отъ всякаго честнаго и благомыслящаго человѣка»...

3) Письмо Нерчинскаго купца 1-й гильдіи М. Д. Бутина изъ Нерчинска, 19 Ноября 1859 г.

«Намъ весьма пріятно было услышать правду, о которой многіе молчатъ. Вы первый явились обличителемъ истины. Нѣтъ словъ выразить вамъ благодарность. Правда восторжествуетъ всегда, и потому статьи ваши вездѣ встрѣтили сочувствіе».

4) Письмо одного жителя съ рѣки Аргуни, Нерч. округа, 16 Дек. 1859 г.

«Съ особеннымъ удовольствіемъ прочелъ я вашу статью «Амуръ» (въ Вѣстн. Пр.), но нахожу, что *вы еще слишкомъ снисходительны*»...

5) Письмо изъ Иркутска.

«Статья ваша «Амуръ» произвела такой восторгъ въ Иркутскѣ, что число требованій на «Вѣстн. Пром.», съ первою же почтою, увеличилось до огромныхъ размѣровъ, когда до этого времени только одинъ экземпляръ, и то случайно, получился въ библіотекѣ для чтенія. Произошло то же, что было лѣтомъ съ «Морскимъ Сборникомъ». Съ утра до ночи библіотека не вмѣщала въ себѣ читающихъ, многіе нарочно для этого подписались (въ библіотекѣ). Чтобы удовлетворить желающихъ, надо было читать вслухъ».... (Р. Стар. 1881 г. Окт.).

Такъ относились къ статьямъ Завалишина всѣ, кто только не былъ лично заинтересованъ въ дѣятельности Муравьева, и кто умѣлъ отличить дѣло отъ декорацій. Г. Барсуковъ голословно называетъ этого борца за правду «хулителемъ»; по нашему мнѣнію, ему слѣдовало бы указать въ своей книгѣ хоть одно возра-

женіе Завалишина и доказать, что оно не основательно, но онъ этого не сдѣлалъ.

Равнымъ образомъ г. Барсуковъ голословно утверждаетъ, что «сибиряки высоко цѣнили и цѣнятъ до настоящаго времени заслуги графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго». По нашему же мнѣнію, статьи Завалишина не только раскрыли глаза обществу и правительству на амурскую дѣятельность Муравьева, но и нанесли послѣднему рѣшительный ударъ, послѣ котораго онъ уже не могъ подняться. Если прежде министры съ недовѣріемъ относились къ Муравьеву, то еще болѣе послѣ разоблаченій Завалишина. Въ началѣ 1859 г. Муравьевъ въ донесеніи В. Кн. Константину писалъ: «министерства вооружились противъ меня болѣе прежняго», а въ началѣ слѣдующаго года онъ уже чувствовалъ необходимость удалиться изъ Сибири. «По прежнему, моя мысль — поклониться Россіи за послѣднюю таможенную заставою», писалъ Муравьевъ къ Корсакову.

Должно сказать, что императоръ Александръ II первоначально питалъ довѣріе къ Муравьеву, но этимъ довѣріемъ послѣдній пользовался не долго. Въ началѣ 1861 г. Муравьевъ сдалъ свою должность Корсакову, и этимъ навсегда закончилась его государственная дѣятельность. «Грустно думать, пишетъ г. Барсуковъ, что столь мудрый, богатый опытностію государственный человѣкъ, способный, по отзыву же недоброжелателей, къ широкой и плодотворной дѣятельности, преданъ какъ бы забвенію и пребывалъ какъ бы въ изгнаніи на чужбинѣ, какъ разъ въ то трудное время, когда благодѣтельные реформы новаго царствованія требовали для отечества полезныхъ и преданныхъ ему слугъ! Но Муравьева, еще полнаго силъ, жаждавшаго дѣла и скучавшаго своимъ бездѣліемъ, не считали даже преданнымъ! И все: неподкупный, честный его характеръ, и его государственныя способности, такъ наглядно доказанныя имъ въ теченіе долговременной службы, и, наконецъ, слава совершеннаго имъ подвига, — *все было забыто по проискамъ и наветамъ лицъ, къ нему не расположенныхъ и желавшихъ отстраненія его отъ*

дѣлъ; мало того, даже одно упоминаніе имени Муравьева, какъ онъ самъ пишетъ Корсакову, могло только повредить въ Петербургѣ успѣху какого-нибудь дѣла относительно Восточной Сибири».

Дѣйствительно, Муравьевъ былъ совершенно забытъ; послѣ удаленія изъ Сибири онъ въ продолженіе 20 лѣтъ усердно искалъ службы, жаждалъ дѣятельности и все напрасно! Это обстоятельство было бы совершенно необъяснимо, если бы смотрѣть на личность Муравьева и его дѣятельность глазами г. Барсукова. Нельзя же думать, что покойный императоръ, несомнѣнно знавшій Муравьева за человѣка энергичнаго и способнаго и очень нуждавшійся въ такихъ помощникахъ въ дѣлѣ своихъ реформъ, не призывалъ Муравьева на службу только потому, что кто-то имъ недоволенъ, или, какъ говоритъ Барсуковъ, по навѣтамъ и проискамъ кого-то. Нѣтъ, это обстоятельство объясняется очень просто: Императоръ Александръ наконецъ узналъ, что за человѣкъ Муравьевъ, какого рода была дѣятельность его въ Сибири, и къ какимъ послѣдствіямъ она привела Восточную Сибирь, узналъ, что донесенія и рапорты Муравьева мало соотвѣтствовали дѣйствительному положенію дѣла въ томъ краѣ, которымъ онъ управлялъ.

Г. Барсуковъ думаетъ, что Муравьевъ добивался и добился назначенія себя преемникомъ М. С. Корсакова, имѣя въ виду пользу Восточной Сибири, а мы болѣе довѣряемъ тому, что писали по этому поводу въ Р. Стар. въ 1881 г., т. е. что Муравьевъ хотѣлъ чрезъ Корсакова прикрыть то зло, которое онъ сдѣлалъ въ В. Сибири, прикрыть сущность своей дѣятельности на Амурѣ, минутные тамъ эффекты и плохо намалеванныя декораціи. Корсаковъ былъ добрый человѣкъ, преданный Муравьеву и вслѣдствіе этой преданности самъ былъ соучастникомъ въ дѣлахъ Муравьева и долженъ былъ скрывать отъ правительства дурныя дѣла своего родственника. Онъ не хотѣлъ занимать мѣста Муравьева и, если согласился, то благодаря только настояніямъ послѣдняго. Г. Барсуковъ говоритъ,

что главнѣйшая заслуга Корсакова состояла въ томъ, что въ десятилѣтнее свое управленіе В. Сибирью не было допущено имъ никакой ломки существовавшаго при Муравьевѣ порядка, а по нашему мнѣнію въ этомъ-то и заключался его грѣхъ, да еще въ томъ, что онъ рѣшился прикрыть дурныя дѣла Муравева. И въ послѣдствіи послѣдній изъ Парижа заботился, во первыхъ, о томъ, чтобы Корсаковъ какъ можно долѣе оставался генераль-губернаторомъ В. Сибири, а во вторыхъ, чтобы онъ тоже приготовилъ себѣ преемника изъ своихъ близкихъ. «Графъ Муравьевъ, говоритъ г. Барсуковъ, очень былъ озабоченъ тѣмъ, что М. С. Корсаковъ рвался оставить свой постъ въ Сибири. . . . не давалъ ему на то разрѣшенія изъ боязни, что излюбленный край его перейдетъ къ какому-нибудь несвѣдущему и неопытному лицу». . . . Да, Муравьевъ боялся, что послѣ Корсакова генераль-губернаторомъ В. Сибири будетъ человѣкъ, который честно объяснитъ правительству горькое положеніе этого края.

Но Корсакову не удалось приготовить себѣ преемника; послѣ его смерти въ 1871 г. генераль-губернаторомъ В. Сибири назначенъ былъ человѣкъ опытный, честный, а главное не принадлежавшій къ кругу Муравьева и нисколько не заинтересованный въ его дѣлахъ,—это генераль Н. П. Синельниковъ. Послѣдній, «какъ не связанный отвѣтственностію со своими предшественниками и не обязанный скрывать прошлое, обнаружилъ въ открытыхъ своихъ циркулярахъ весь хаосъ, который царствовалъ въ дѣлахъ управленія В. Сибири. Циркуляры эти, напечатанные и въ столичныхъ газетахъ, послужили новымъ подтвержденіемъ всего сказаннаго Д. И. Завалишинымъ». (Р. Стар. 1881 г. Окт., стр. 418).

До сего времени мы говорили о дѣятельности Муравьева на Амурѣ, но что же онъ дѣлалъ въ Вост. Сибири? Остановимся только на нѣкоторыхъ его реформахъ, чтобы видѣть, къ чему онѣ привели этотъ несчастный край.

Нужно замѣтить, что Муравьевъ явился въ Сибирь съ мыслию—разрѣшить громкое амурское дѣло во что бы то ни стало

и какъ можно скорѣе. На представленіи о захватѣ этой рѣки Перовскій отвѣчалъ Муравьеву, что это дѣло встрѣтитъ оппозицію: во первыхъ, со стороны министра иностранныхъ дѣлъ, который выскажется противъ по политическимъ соображеніямъ, и во вторыхъ, со стороны министра финансовъ вслѣдствіе затруднительнаго нашего финансоваго положенія. Чтобы обойти послѣдняго, Перовскій совѣтывалъ: «сдѣлайте смѣту расходамъ, которыхъ потребуютъ ваши предположенія, старайтесь, *чтобы эти расходы были какъ можно умѣреннѣе, и отнесите ихъ, если можно, на мѣстныя способы*». Вслѣдствіе этого совѣта всѣ заботы Муравьева клонились къ тому, чтобы создать мѣстные средства, именно усилить казенные доходы въ Восточной Сибири и образовать достаточное мѣстное войско. «У Муравьева, говорить совершенно справедливо г. Барсуковъ, всегда стоялъ на первомъ планѣ казенный интересъ»..... (стр. 193).

Въ этомъ отношеніи мы вполне соглашаемся съ авторомъ, хотя и не можемъ вмѣстѣ съ нимъ хвалить систему Муравьева: послѣдній не сумѣлъ справиться съ важною задачею — усилить казенные доходы и въ то же время соблюсти интересы населенія. Нѣкоторыя мѣры Муравьева были бы полезны, если бы онъ проводилъ ихъ менѣе поспѣшно, съ большею осмотрительностью и болѣе сообразовался съ мѣстными условіями. Г. Барсуковъ посмотрѣлъ на нихъ только съ внѣшней стороны, и потому онѣ показались ему мудрыми; но на дѣлѣ эти мѣры привели къ разоренію цѣлаго края. Разсуждая теоретически, ничего нельзя возразить противъ Муравьева, когда онъ добивался и добился свободы въ золотопромышленности, въ винокурении и продажѣ вина. Но какія были послѣдствія всего этого? Казенный доходъ увеличился, а край былъ разоренъ. Въ одномъ письмѣ къ Корсакову Муравьевъ пишетъ, что нужно какъ можно болѣе добывать золота, и дѣйствительно, при немъ золотопромышленность получила большее развитіе. Но населеніе Восточной Сибири и вслѣдъ за нимъ генераль-губернаторъ Синельниковъ говорили, что можно умереть съ голоду и съ золотомъ въ рукахъ.

Развитіе золотопромышленности и неизбежное поднятіе цѣнъ на рабочія руки увлекло массу крестьянскаго населенія на золотые прииски, а земледѣліе было заброшено и хлѣбъ началъ дорожать въ цѣнѣ годъ отъ году: въ 1858 г., не смотря на урожаи въ предшествовавшіе годы, пудъ муки уже стоилъ 90 коп. А заработки на приискахъ крестьяне большею частью пропивали, такъ какъ вслѣдствіе свободы винокуренія и продажи вина на всѣхъ приискахъ, въ мѣстахъ расчета рабочихъ, по трактамъ, по которымъ рабочіе возвращались домой, появилось масса разнаго рода питейныхъ домовъ. Въ В. Сибирь нахлынуло множество евреевъ, которые ничѣмъ не занимались, кромѣ пріобрѣтенія хищническаго золота и продажи вина; они страшно обирали крестьянскій рабочій людъ. «Въ селѣ Витимѣ, пишетъ Синельниковъ въ одномъ своемъ циркулярѣ, гдѣ обыкновенно часть рабочихъ получаетъ расчетъ, на 124 дома содержатся четыре винные склада, три трактира, 5 ренскихъ погребовъ, 15 питейныхъ заведеній, кромѣ 25 закрытыхъ. . . . всѣ дома въ Витимѣ приспособлены къ противозаконной продажѣ вина и разгулу. Крестьяне хлѣбопашествомъ совершенно не занимаются; тамъ же проживаютъ 37 еврейскихъ семействъ безъ всякихъ занятій, съ цѣлю, какъ оказалось по дознанію, пріобрѣтенія хищническаго золота и обирая рабочихъ. . . . Въ г. Киренскѣ водочныхъ заводовъ два, винныхъ складовъ два, питейныхъ домовъ 16, ренскихъ погребовъ 10. . . . , гдѣ почтовые станціи, тамъ на четыре двора приходится по кабаку». На приискахъ появились еще «спиртоносы» изъ евреевъ и за отвратительную водку получали отъ рабочихъ золото. «До развитія золотопромышленности въ округахъ Киренскомъ и Олекминскомъ въ 1856 г. было израсходовано 20 т. ведеръ вина, а въ 1870 г. 91 т. ведеръ». (См. Ирк. Губ. Вѣд. 1871 г. № 70). «Я, пишетъ Синельниковъ, обратилъ вниманіе на прекращеніе пьянства тотчасъ по вступленіи въ управленіе краемъ, по жалобамъ самихъ крестьянъ, которые на замѣчаніе о множествѣ кабаковъ отзывались, что къ заведенію оныхъ понуждаетъ земское начальство, волостные головы и ста-

росты, прибавляя почти единогласно, что добра, вѣстимо, тутъ мало: жиды обирають до послѣдней копѣйки» (ibid. № 79).

Кромѣ печатныхъ циркуляровъ Синельникова, мы имѣли еще возможность пользоваться рукописями, заключающими копіи съ донесеній его министрамъ; въ этихъ донесеніяхъ Синельниковъ доказываетъ, что, вслѣдствіе дѣятельности его предшественниковъ, край находится въ болѣзненномъ состояніи. Въ одномъ донесеніи министру внутреннихъ дѣлъ Синельниковъ пишетъ: «Въ Вост. Сибири на частныхъ золотыхъ приискахъ въ 1870 г. было занято работами 32,288 ч., изъ нихъ собственно земледѣльцевъ-крестьянъ 9004 ч. и поселенцевъ съ разночинцами 17,489 ч., остальные изъ другихъ губерній; такимъ образомъ было отнято отъ земли 9000 рукъ, не говоря уже о томъ, что поселенцы отвлекались отъ своей дѣли быть земледѣльцами, а 23,000 прибавилось на продовольствіе».

«При откупномъ управленіи (уничтоженномъ Муравьевымъ) въ В. Сибири винныхъ оптовыхъ складовъ было 75 и питейныхъ домовъ 1267, а въ 1870 г. первыхъ 402, а вторыхъ 4675». (Донесеніе мин. внут. дѣлъ 30-го Ноября 1871 г. № 1828).

«Въ Иркутскѣ 289 питейныхъ заведеній, а торгуютъ въ нихъ евреи или ссыльные поселенцы» (ibid).

Мы упомянули, что развитіе золотопромышленности при Муравьевѣ повело за собою упадокъ хлѣбопашества въ Восточной Сибири и дороговизну хлѣба, а развитіе винокуренія еще болѣе увеличивало эту дороговизну и вмѣстѣ съ тѣмъ бѣдствіе населенія.

Въ донесеніи Синельникова 1872 г. министру финансовъ читаемъ слѣдующее: «Ваше Высокопревосходительство не соглашаетесь, что возвышенію цѣнъ на хлѣбъ способствуютъ винокуренные заводы, но я не сталъ бы доказывать этого, если бы это не было фактомъ существующимъ. Около г. Иркутска находится нѣсколько винокуренныхъ заводовъ, владѣльцы которыхъ, соперничая между собою въ болѣшемъ своевременномъ приобрѣтеніи хлѣба на выкурку вина, одинъ предъ другимъ возвышаютъ цѣны,

между тѣмъ безъ этого искусственнаго возвышенія цѣна на хлѣбъ была бы гораздо умереннѣе, ибо хлѣбъ преимущественно везется на заводы, а на городской иркутскій рынокъ привозится его немного и по цѣнѣ уже высшей. Такимъ образомъ, не говоря о состоятельномъ классѣ городского населенія, бѣдные жители страдаютъ отъ дороговизны хлѣба чрезъ винокуренные заводы; въ такихъ же обстоятельствахъ находятся и другіе города.... въ Верхнеудинскомъ цѣна хлѣба на городскомъ рынкѣ возросла до 1 р. 30 к. за пудъ....

«Потомъ Ваше Высокопревосходительство изволите полагать, что урожаю хлѣба въ Ирк. губ. не благоприятствуютъ климатическія условія; на это я долженъ объяснить, что губернія эта до развитія винокуренія всегда жила своимъ хлѣбомъ.... и даже иногда помогала хлѣбомъ Енис. губ.» (№ 483).

Однако министръ финансовъ не былъ убѣжденъ доводами Синельникова о необходимости ограниченія винокуренія и продажи вина для поднятія благосостоянія края, ему не хотѣлось уменьшить питейные казенные доходы въ В. Сибири и онъ дѣлаетъ Синельникову такое возраженіе: почему же прежніе губернаторы (Муравьевъ и Корсаковъ) не доносили объ этомъ? Дѣлая подобное возраженіе, очевидно, министръ финансовъ не зналъ, что всѣ заботы Муравьева клонились только къ увеличенію казенныхъ доходовъ, и что онъ стремился къ этому, не обращая никакого вниманія на разореніе края. Синельниковъ на поставленное возраженіе даетъ въ высшей степени интересный отвѣтъ въ своей запискѣ, поданной министру финансовъ въ 1872 г.

Мало-ли о чемъ, пишетъ Синельниковъ, прежніе губернаторы не доносили правительству?! «Кому не было извѣстно, что въ В. Сибири существуютъ *темные поборы*; кто не зналъ, что чрезъ торговлю хищническимъ золотомъ личности, не имѣющія ни гроша, наживали большія состоянія (евреи); кто не слыхалъ о томъ, какія бѣдствія и преступленія совершаются при слѣдованіи рабочихъ съ промысловъ, а между тѣмъ *по отчетамъ все*

обстояло благополучно и даже золотые прииски выставлялись какъ средство къ благоденствію народу». (Записка ген.-губ. В. Сибири 5-го Іюля 1872 г. № 45).

А каково было благоденствіе народа въ это время можно судить потому, что въ 1871 г. цѣна хлѣба доходила до 3 р. пудъ. (Донесеніе мин. фин. 22 Апр. 1872 г.). Затѣмъ ломка горнаго вѣдомства Муравьевымъ и образованіе Забайкальскаго войска вели къ тѣмъ же грустнымъ послѣдствіямъ. «Ломка горнаго вѣдомства, писали въ Р. Стар., произошла по враждѣ къ министру финансовъ Вронченко генераль-губернатора В. Сибири Муравьева, хотѣвшаго доказать, что онъ при непосредственномъ завѣдываніи Нерчинскими заводами доставить болѣе отъ нихъ дохода, увеличивъ количество добываемаго золота съ 28 п. до 100 п. . . . Но Н. Н. Муравьевъ, похвалясь, что добудетъ сто пудовъ золота, и желая, разумѣется, добиться этого во чтобы то ни стало, согнать огромную массу каторжныхъ и горно-заводскихъ служителей (тѣ и другіе имѣли всѣ собственное хозяйство, свои дома, пашни, огороды, домашній скотъ и птицу, обезпечивавшіе имъ собственное продовольствіе) въ пустынное мѣсто, на золотые прииски, для усиленной ихъ разработки, при чемъ люди должны были покинуть свои дома и все свое хозяйство, чрезъ что уже одно хлѣбопашество сразу уменьшилось на нѣсколько тысячъ десятинъ, а дѣйствительная потребность хлѣба для казны возрасла въ нѣсколько разъ, потому что пришлось теперь не только выдавать натурою все то, за что прежде рады были получать деньгами, но еще продовольствовать женъ и дѣтей рабочихъ, пришедшихъ съ ними на карійскіе прииски.... Но этимъ бѣдствіе еще не ограничилось. Лишенные собственнаго крова, пригнанные въ суровое время туда, гдѣ для нихъ ничего не было приготовлено, вынужденные жить въ землянкахъ, вырытыхъ въ мерзлой землѣ, люди подверглись всѣмъ послѣдствіямъ голода и холода: развился сильный повальный тифъ, унесшій слишкомъ тысячу человекъ изъ самаго лучшаго, здороваго рабочаго населенія»....

Г. Барсуковъ особенно лестно отзываясь о Муравьевѣ за

то, что онъ добился освобожденія горныхъ нерчинскихъ крестьянъ отъ обязательныхъ работъ на рудникахъ; но біографъ не принялъ во вниманіе, въ какомъ положеніи эти крестьяне находились до освобожденія, и въ какомъ очутились послѣ этой благодѣтельной мѣры. Муравьевъ стремился къ освобожденію нерчинскихъ крестьянъ только для того, чтобы имѣть возможность образовать войско въ виду дѣйствій на Амурѣ; войско, дѣйствительно, образовалось, но крестьянское хозяйство было разстроено, что привело къ страшному бѣдствію цѣлый край. «Еще въ большемъ несравненно размѣрѣ, читаемъ въ той же статьѣ «Р. Ст.», произведено было разстройство экономического положенія края обращеніемъ горныхъ крестьянъ - хлѣбопашцевъ въ пѣшіе казаки; и все это только для созданія фиктивного войска, вовсе непригоднаго для дѣйствія и удовлетворявшаго однимъ личнымъ цѣлямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ невѣжество и безнравственность исполнителей усилили тягость населенія, особенно новыхъ казаковъ, неимовѣрными злоупотребленіями. Пока они были крестьянами, все ихъ управленіе состояло изъ пяти волостныхъ правленій и трехъ управителей, изъ которыхъ двое завѣдывали, каждый, двумя волостями, а третій одною, и былъ въ то же время комиссіонеромъ заводовъ въ Читѣ; затѣмъ при горномъ правленіи имѣлось хозяйственное отдѣленіе; вотъ и все. И вдругъ, вмѣсто этого простого, несложнаго и дешеваго управленія, явилось 12 баталіонныхъ, 3 бригадныхъ и одно войсковое правленіе и войсковое дежурство, наказной атаманъ и его штабъ. Болѣе тысячи человекъ взрослого рабочаго населенія пошло на одну внутреннюю службу, на писарей, вахтеровъ, деньщиковъ къ офицерскимъ чинамъ, затѣмъ на караулы при правленіяхъ, арсеналахъ, цейхгаузахъ, при пороховыхъ погребахъ . . . Какъ мало вообще предусмотрительности и сообразительности у главнаго начальства, приготавливавшагося къ занятію Амура, можно видѣть еще и изъ слѣдующаго примѣра: при переводѣ трехъ баталіоновъ въ Забайкальскій край въ виду дѣйствій для рѣшенія Амурскаго вопроса, задумали строить для нихъ постоянныя и дорого стоящія казармы,

хотя и очевидно было, что пребываніе этихъ баталіоновъ въ Забайкальѣ могло быть только самое краткое время. . . . И вотъ на приготовленіе матеріала для постройки казармъ были затрачены артельныя солдатскія деньги, а казармы такъ и не выстроены». . . «Точно такъ же лишено было всякаго практическаго значенія заведеніе тяжелой артиллерійской батареи, такъ какъ не могло быть такой массы войска, для которой оно бы приличествовало, да и въ предполагавшихся экспедиціяхъ не было такихъ дорогъ, по которымъ она могла бы двигаться; такимъ образомъ, эта доставленная сухопутно изъ Россіи, съ обремененіемъ населенія, и дорого стоившая казна батареи, оставалась безъ пользы слишкомъ 20 лѣтъ въ Верхнеудинскѣ, и артиллеристы не знали другого дѣла, кромѣ занятія караула при острогѣ. Между тѣмъ самый переводъ въ Забайкалье линейныхъ баталіоновъ и сформированіе артиллеріи пѣшей и конной, также въ свою очередь увеличили потребность казны въ продовольствіи, а въ это-то время вся хозяйственная часть населенія и разстраивалась всѣми возможными способами, потому что кромѣ обязательной службы, по положенію, придумывали всякіе предлоги, чтобы отвлекать отъ хозяйства даже и неслужилое казачество. Требовали напр. подростковъ для дѣланія патроновъ, наряжали на произвольно придуманныя работы, причемъ командиръ заявлялъ, что можетъ нанять за нихъ работниковъ со стороны, и бралъ на это деньги, а работы подвигались весьма медленно; забирали всѣхъ кузнецовъ, столяровъ и маляровъ, вмѣсто опредѣленнаго очереднаго срока, на неопредѣленное время, для постройки обоза, никогда потомъ не бывшаго на дѣлѣ; наконецъ дошли до того, что потребовали всѣхъ дѣвокъ въ баталіонныя квартиры, якобы для шитья обмундировки; но тутъ уже казаки стали угрожать, что возьмутся за топоры. Теперь спрашивается: для чего нужно было сформированіе этого фиктивнаго войска, до такой степени разорившаго населеніе Нерчинскаго края, и подорвавшего всѣ условія успѣха колонизаціи Амура? Для здраваго смысла всегда было очевидно, что 25 т. ревиз-

скихъ душъ, оставаясь хлѣбопашцами, легче могли прокормить 12 линейныхъ баталіоновъ, чѣмъ дать изъ себя 12 бат. и кормить ихъ и все населеніе, лишась 12 т. хлѣбопашцевъ, такъ какъ эти 12 т. войска должны были заключать въ себѣ все рабочее населеніе. Но для видовъ личныхъ, сформированіе, хотя бы и фиктивного войска, было повятно, какъ и объясняли это всѣ въ свое время. Прежде генераль-губернаторъ Западной Сибири былъ корпуснымъ начальникомъ войскъ и въ Восточной, принадлежавшихъ тогда къ общему составу сибирскаго корпуса. Съ отдѣленіемъ войскъ В. Сибири подъ начальство генераль-губернатора В. Сибири, хотя и безъ названія корпуснаго командира, но съ правами его, оказалось, что у новаго корпуснаго командира было всего подъ командою 4 гарнизонныхъ баталіона, да нѣсколько invalidныхъ командъ! А между тѣмъ званіе корпуснаго командира занимаетъ высшее мѣсто въ военной ерархіи, первое послѣ главнокомандующаго арміей! Какъ тутъ удовлетвориться честолюбію съ начальствованіемъ надъ 4 гарн. бат., съ однимъ бригаднымъ командиромъ? А при сформированіи, хотя бы и фиктивного войска, являются и начальники штаба, и наказные атаманы, и дивизіонные доктора, и оберъ-квартирмейстеры, и, считая съ артиллеріей, 8 бригадныхъ командировъ, 4 батарейныхъ, 6 полевыхъ, 12 баталіонныхъ, казачье отдѣленіе при главномъ управленіи, войсковое управленіе, дежурство корпусное и войсковое, чего-чего нѣтъ! А тутъ еще военный губернаторъ въ Камчаткѣ, гдѣ не было и 20 т. жителей, губернаторъ въ Якутскѣ, градоначальство въ Кяхтѣ, даже и по особымъ порученіямъ генераль; понятно, что главный начальникъ могъ похвалиться, что вотъ-молъ сколько у него однихъ генераловъ подъ командою! Но послѣдствія всей этой суеты не замедлили однако же обнаружиться въ весьма неблагоприятномъ видѣ; все это привело къ такому экономическому разстройству края, что нечѣмъ стало прокормить даже одного баталіона въ Читѣ и рабочихъ на Карійскихъ золотыхъ приискахъ.....» («Р. Стар. 1881 г. Сент. «Амурское дѣло и вліяніе его на В. Сибирь и государство»).

Освобожденные крестьяне, вынужденные бросить свое хозяйство въ Нерчинскомъ округѣ, переведены были сначала въ Забайкалье и наконецъ на Амуръ, гдѣ судьба ихъ была самая печальная. Вѣдь только Муравьевъ могъ доносить, что село Михайловское, основанное переселенцами лѣтомъ 1855 г. чрезъ два года послѣ своего основанія якобы *не уступало многимъ приволжскимъ селеніямъ*; такъ Муравьевъ доносилъ въ то время, когда переселенцы не могли еще кормиться собственнымъ хлѣбомъ и жили на продовольствіи правительства (Вѣстн. Пром. 1859 г. № 11, Науки, стр. 70).

Не мало страдало населеніе Восточной Сибири и отъ дурнаго управленія. Муравьевъ привступленіи въ должность разогналъ старыхъ служаекъ, опытныхъ дѣльцовъ и наполнилъ административныя и судебныя учрежденія людьми молодыми, явившимися изъ Европейской Россіи въ Сибирь на время, чтобы сдѣлать карьеру или нажиться. Самъ Муравьевъ и его помощникъ Корсаковъ, увлекшись амурскими дѣлами, почти не обращали вниманія на то, что дѣлали въ это время административныя и судебныя власти въ В. Сибири: контроль надъ ними былъ слабъ и они дѣлали, что хотѣли. Какъ небрежно Муравьевъ относился къ управленію ввѣреннаго ему края, можно судить по одному письму его къ Корсакову, Иркутскому губернатору. «Когда будешь проѣзжать черезъ Верхнеудинскъ, пишетъ Муравьевъ, *сдѣлай дружбу, посвети хоть дня два на разборъ просьбъ*: это — священная обязанность губернатора». Начальникъ упрашиваетъ своего подчиненнаго употребить *хоть два дня* на исполненіе своей обязанности!... Мы не знаемъ «сдѣлалъ ли дружбу» Муравьеву губернаторъ Корсаковъ, посветилъ ли онъ «хоть два дня» на исполненіе своей священной обязанности, но во всякомъ случаѣ эта просьба со стороны начальника очень характерна!

Въ 1856 г. Муравьевъ настоялъ на введеніи въ В. Сибири новыхъ чиновничьихъ штатовъ, но въ то же время не позаботился о дѣйствительномъ обезпеченіи чиновниковъ: они все-таки получали жалованья менѣе, чѣмъ въ Европ. Россіи. Между тѣмъ цѣны

на хлѣбъ и мясо, вслѣдствіе вышеуказанныхъ причинъ, все болѣе и болѣе возрастали и достигли необыкновенныхъ размѣровъ, напр. пудъ муки стоилъ иногда 1 р. 30 к. и болѣе. Возможно ли чиновникамъ прокормиться отъ своего скуднаго жалованья?! Эта дороговизна жизни заставляла ихъ прибѣгать къ незаконнымъ средствамъ для увеличенія своего содержанія. «Темные поборы» съ населенія возросли при Муравьевѣ до необыкновенныхъ размѣровъ, а начальникъ и его помощникъ, занятые амурскими дѣлами, не обращали на эти поборы никакого вниманія, хотя они были всѣмъ извѣстны. Синельниковъ въ своемъ донесеніи министру финансовъ «о темныхъ поборахъ, производившихся въ Восточной Сибири съ крестьянъ и инородцевъ открыто», опредѣляетъ суммы этихъ поборовъ въ годъ въ такихъ размѣрахъ:

По губ. Иркутской	до 246 т. руб.
» » Енисейской	» 178 » »
» » Забайк. области	» 221 » »
» » Якутской	» 22 » »

Итакъ, въ годъ крестьянство В. Сибири сверхъ казенныхъ податей уплачивало до 667 т. рублей.

Сборы эти производились по общественнымъ приговорамъ, нигдѣ не свидѣтельствованнымъ и никѣмъ не утвержденнымъ, якобы на расходы по содержанію волостныхъ и инородческихъ управленій, и расходились по карманамъ чиновниковъ.

«Темные поборы, замѣчаетъ Синельниковъ, разрушая законный порядокъ и довѣріе крестьянъ къ ближайшимъ начальникамъ, могли бы привести къ грустнымъ послѣдствіямъ; они взыскивались настоятельно и бездоимочно преимущественно предъ законными податями и, увеличиваясь по произволу, не могли не разстраивать быта населенія». (Копія съ дон. мин. фин. 27 Апрѣля 1872 г. № 501).

Синельниковъ немедленно же уничтожилъ эти «темные поборы», хотя и признавалъ, что только при помощи ихъ чиновники могли поддерживать свое существованіе. И потому въ своей запискѣ, представленной правительству, онъ указывалъ на необходимость

увеличенія содержанія чиновниковъ въ В. Сибири. «Въ В. Сибири, писалъ онъ, до настоящаго времени, дѣйствуютъ штаты, изданные 1856 г., по которымъ содержаніе далеко не равняется производиму во внутреннихъ губерніяхъ, хотя дороговизна жизни, постоянно возвышающаяся съ *пятидесятихъ годовъ* дошла до размѣровъ, какихъ въ Европейской Россіи не бывало даже въ голодные годы, такъ что чиновникъ не можетъ удовлетворить и насущнымъ своимъ потребностямъ». И дѣйствительно, въ это время пудъ муки въ Иркутскѣ доходилъ до 3 руб.

«Вступивъ въ управленіе Восточною Сибирью, пишетъ Синельниковъ въ той же запискѣ, по обозрѣніи административныхъ учреждений этого края, я нашелъ, что дѣлопроизводство идетъ слишкомъ медленно и часто съ отступленіемъ отъ порядка, требуемаго закономъ, что почти во всѣхъ мѣстахъ чувствуется недостатокъ не только въ способныхъ и дѣльныхъ чиновникахъ для занятія классныхъ мѣстъ, но и канцелярскихъ служителей.» (Копія. Записка изъ дѣла объ увеличеніи содержанія чиновникамъ В. С. Синельникова № 1434).

Въ донесеніи мин. внутр. дѣлъ въ 1871 г. Синельниковъ писалъ слѣдующее: «Съ переѣздомъ моимъ рубежа В. Сибири начались жалобы словесныя и письменныя на произвольныя дѣйствія городскихъ и земскихъ полицій, медленность судопроизводства, на тяжесть отбыванія натуральныхъ повинностей, на темные поборы... По дорогѣ отъ Иркутска я получилъ болѣе 200 прошеній... По неразвитію въ краѣ промышленности почти всѣ предметы необходимости доставляются изъ Москвы и продаются по высокимъ цѣнамъ...». (Копія донесенія Син. 18 Апрѣля 1871 г. № 536).

Но при Муравьевѣ и Корсаковѣ все обстояло благополучно по ихъ рапортамъ и донесеніямъ, и никто не смѣлъ жаловаться, или по крайней мѣрѣ на эти жалобы населенія они не обращали никакого вниманія.

Указавъ во многихъ циркулярахъ и донесеніяхъ на крайнее разореніе Восточной Сибири, на необычайныя злоупотребленія сибирскихъ властей, Синельниковъ въ одномъ своемъ печатномъ

циркулярѣ задается вопросомъ: «что дѣлали гг. исправники, за-сѣдатели, волостные головы, сельскіе старосты и писаря, въ особенности тѣ, которые получали изъ такъ называемыхъ тем-ныхъ сборовъ *огромное*, по ихъ положенію, содержаніе изъ прибавочнаго жалованья волостныхъ писарей и пр.? Не приводятъ ли всѣ эти неустройства къ такому заключенію: «увеличивайте тем-ные сборы сколько возможно и безобразничайте какъ хотите?». (Иркут. губ. Вѣд. 1871 г. № 79).

Эти послѣднія строки несомнѣнно относятся къ Муравьеву и Корсакову и заключаютъ въ себѣ справедливый приговоръ надъ дѣятельностью этихъ генераль-губернаторовъ.

Въ заключеніе своей рецензіи мы скажемъ слѣдующее. Взгляды автора на личность Муравьева и сужденія о дѣятельности его въ Сибири слишкомъ пристрастны, и съ ними не возможно согласиться. Но если отбросить эти пристрастныя характеристики и смотрѣть на трудъ г. Барсукова только какъ на сборникъ историческихъ документовъ, то за нимъ слѣдуетъ признать высокое достоинство. Первая книга его труда заключаетъ въ себѣ обширную переписку Муравьева съ своими братьями и друзьями, представляющую очень цѣнный историческій матеріалъ, впервые обнародованный г. Барсуковымъ, а вторая содержитъ въ себѣ 162 документа, относящихся къ дѣятельности Муравьева и преимущественно въ Сибири: тутъ мы находимъ нѣсколько его записокъ и проэктовъ по разнымъ государственнымъ дѣламъ и множество его официальныхъ донесеній В. Кн. Константину, Императору Николаю Павловичу, Императору Александру II и ихъ министрамъ; съ этимъ важнымъ матеріаломъ мы также впервые познакомились, благодаря услугъ уважаемаго біографа.

Если имѣть въ виду этотъ обширный историческій матеріалъ, заключающійся въ двухъ книгахъ г. Барсукова, то трудъ его представляетъ очень цѣнный вкладъ въ историческую науку и достоинъ поощренія.

13.3/25

Сочиненія того же автора:

1. „О Богданѣ Хмельницкомъ“. Харьк. 1882 г., ц. 1 р. 25 к.
 2. „Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ“. Харьк. 1889 г., ц. 3 р.
 3. „Открытіе тобольской епархіи и первый тобольскій архіепископъ Кипріанъ“. Харьк. 1891 г., ц. 75 к.
 4. „Сибирскіе архіепископы — Макарій, Нектарій и Герасимъ“. Харьк. 1891 г., ц. 75 к.
 5. „Мангазея и мангазейскій уѣздъ“ (1601 — 1645 г.г.). Харьковъ. 1893 г., ц. 1 р.
 6. „Сургутъ, Нарымъ и Кетскъ“. Харьк. 1893 г., ц. 75 к.
 7. Крещеніе остяковъ и вогуловъ при Петрѣ Великомъ. Харьк. 1893 г., ц. 1 р.
-